

18+

МИХАИЛ БУКАНОВ

Арабески

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА

Михаил Буканов

Арабески. Приключения и фантастика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24433190

ISBN 9785448534102

Аннотация

Вам предлагается несколько необычный вид того жанра, который ранее назывался фантастикой, а ныне поднялся в ранге и гордо именуется «фэнтези». В позиции автора улавливается влияние братьев Стругацких, Севера Гансовского, Лукьяненко, Шекли и Каттнера. Но никто не может исключить и такую версию, как полностью самобытное творчество, что тебе и предстоит решать по прочтению. Никакой особой подготовки не требуется! Правда, это при условии невыискивания тайных смыслов и междустрочных сообщений. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Снайпер	5
Вот такие дела!	14
Русский сыщик Алексей Кошкин	50
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Арабески Приключения и фантастика

Михаил Буканов

© Михаил Буканов, 2017

ISBN 978-5-4485-3410-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Снайпер

Ах, зачем я влюбился? И, конечно, страдаю,
Мой кораблик разбился, я теперь пропадаю.
Эта песня без толка и без всякого смысла,
Одинокого волка в атмосфере повисла.
Мы вообще-то пираты, санитары морей.
Без вины виноваты, так приди же скорей!

Однако, подумал Авессалом! Может по случаю сочинения похожего опуса и повесился на собственных волосах тот древний парень, имя с которым мы носим одинаковое. А вот ещё красивое имя есть Галактион! Интересно, чем руководствуются родители давая детям необычное имя? Хоть бы кто подумал, ему, мол, с этим псевдо по жизни шагать. Но, хрена! Родители только о себе и думают. Вот я, кто? Авес или Салом? В смысле, салам что ли? И какое отчество у моей, к примеру, будущей дочери будет? Авессаломна? А сына Авессаломович? Чудненько! Простенько и со вкусом! Правда сказать, все с детства называли его и в семье и во дворе Васей. Родители снайпера, учительница начальных классов и заводской бухгалтер, решили красиво назвать сына. И, слава Богу! Могло быть много-много хуже. Какой-нибудь Лапанальд, например. Что означало, «лагерь папанинцев на льди-

не!» А то и Терриконом. Были среди друзей примеры, ох, были! Однако, пора нам и честь знать! И старшина Авессалом Иванович Степанов тихо скользнул в ночную мглу. Наступало его время. Время охоты! Окончился в конвульсиях, крови и боли второй год войны. Сентябрьская ночь не сулила ни тепла, ни отсутствия дождя. Но это и было хорошо! Пока темнота скрывала позиции батальона, он должен был через проход в минном поле выбраться на нейтралку и оборудовать там, в заранее присмотренном месте, свой, снайпера, схрон. Не так давно отгремели страшные, кровавые бои на Курско-Белгородском направлении. Армии и дивизии шли в прорыв, а вот здесь, в центральной полосе России, велись бои местного значения. Эта часть центрального фронта, прикрывавшая Москву, тоже готовилась атаковать. Народная Великая Отечественная война началась для вчерашнего мальчишки-школьника, только в начале июня 1941 года получившего аттестат зрелости, с утренних пробежек в составе Подольского пехотного училища. Командир взвода пехотного! Будущих лейтенантов готовили тщательно, вдумчиво и умело. Стрельбище, теоретическая подготовка, физическая, плавание, бег, рукопашный бой – всё было. Вот только времени не было. Враг рвался сюда, к Москве. И осенью получилось так, что на его пути встали пацаны призыва этого года. Мальчики, хотевшие стать лейтенантами и воевать, погибли почти все в курсантах, а вот наш Степанов выжил. Но командиром в звании лейтенанта так

и не стал. Госпиталь, лечение, курсы снайперов, и вот он я, старшина, командир спецотделения снайперов. Войну, как и времена, не выбирают. На ней живут и умирают! Да и давно уже прошли те времена, когда восторженный московский пацан мечтал о командирских кубарях. Погоны полевые с нашивкой в виде буквы «Т», не взвод, отделение. Две медали: «За боевые заслуги» и «За Отвагу» и орден «Красной звезды.» А от тех пор и порывов довоенных, восторженных времён, остались стихи Павла Когана, мечтавшего перед самой войной жить, воевать, а, также, и погибнуть «возле немецкой речки Шпрее!» Да его же стихи про флибустьеров, и непохожесть. «Вьётся по ветру Весёлый Роджер, люди Флинта гимн морям поют». «В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса!» Тоже, небось, воюет где, – подумалось отстранённо. И опять строчки вспомнились, так хорошо певшиеся под гитару! Снайперов-наблюдателей в эту ночь на переднем крае было достаточно. Вот и всё его отделение, получившее приказ не стрелять, а обнаруживать огневые точки противника, сейчас пробиралось по пространству между нашими и немецкими окопами. По одному. Что бы охватить наблюдением большую полосу немецких окопов. Предстоял тяжёлый день почти неподвижного лежания. Однако, к этому было не привыкать. Вся его нелёгкая снайперская служба и состояла в умении перетерпеть противника. Старшина Степанов в своей части считался мастером снайперского дела и использовался для уничтожения снайперов

противника. Не надо иметь значительный опыт для бестолковой стрельбы. Затаись где-нибудь, жди. Высунулся солдат противника – пали. В ответ шквальный миномётный огонь, и нет тебя! Дашь на дашь! Ты убил, может, ранил новичка или лентяя, что не маскируясь по ходам сообщения бродят, они снайпера-неряху! Мастер своего дела стреляет редко, но метко! По пулемётчикам, офицерам, расчётам артиллерийских орудий, да и снайперам, не ищет смерти своей каждый день. Умело атаковал, умело сменил позицию, живой и врага продолжаешь бить! А то снайперов не напасёшься!

С такими мыслями и полз старшина по нейтралке. Взлетали ракеты, свистели одиночные пули. Ночь то и дело вспыхивала разрывами снарядов и мин. Обычная картина. Насмотрелся на неё русский воин Степанов! Отец его воевал в Гражданскую, захватил и Империалистическую. Пошёл бы и на эту, да без ноги не очень повоюешь! И дед, которого Авессалом ещё застал в живых, воевал. В Манчжурии! В Японскую войну. Всем в семье довелось с винтовкой побрататься. У деда «Георгий был.» У отца «Красное знамя». И он, вроде, не плошает. Тоже с орденом и медалями! А всё же, хорошо до войны было. Мороженое! На лодках по Москва-реке покататься можно. В поход сходить! Во гады, всё отобрали! Возвращалось боевое настроение. Расслабленности здесь было не место. Могли и мины встретиться на пути, хотя, по приказу комполка, сапёры специально проверили его проход по нейтральной земле. А могла

быть и засада противника, на таких как он одиноких шатунов и рассчитанная! И утащат тебя под белы руки в плен германский! На случай такой имелась у него в нагрудном кармане граната РГД, «лимонкой» в народе именуемая! Через чеку шнурок пропущен, рукоятка снаружи. Дернуть за кольцо успеет солдат, свою смертную долю выбирая, никакого плена! А вот и старое пулемётное гнездо, как раз намеченное им для своего схрона. И окопчики сохранились, позволяющие отползти в стороны. До немецких окопов метров сто-сто пятьдесят. Если засекут, привет родителям! Зато обзор отличный! Даже без бинокля! Солнца сейчас, правда, и днём нет. Пасмурно. Стёкла не бликуют, но «бережённому Бог бережёт, а не бережённому конвой стережёт, - как не раз говаривал их старший лейтенант в недолгие курсантские времена в окопах под Москвой. Сам он был из оперов московского уголовного розыска. В состав его роты влили остатки курсантов после трёхдневных кровопролитных боёв. Были там рабочие из ополчения, сотрудники милиции, и, даже, несколько бывших уголовников из группы прибившейся к ним и выходившей из немецкого окружения! Тогда его на второй день тяжело ранило, и что там было дальше, он так и не узнал. Может выжил старлей! Бывает! В штабе вчера сказали, что за те бои пришла ему медаль «За оборону Москвы», получить её он не успел. Хотели вручать торжественно, в составе всех остальных награждённых, да ему задание спешное выпало. Ничего! Бог не выдаст, свинья не съест, – как его

дед, помнится, не раз говаривал. После получит! Чу! Лёгкий шум впереди, шевеление, как раз в том окопчике, что он для себя присмотрел. Замер Степанов. Нет его! Кусок мрака! А в окопчике русская речь слышна! Расстояние малое, всё как на ладони, слышимость отличная. «Ребята! Я вчера письмо получил. Мать пишет. Не осталось ничего от села старого нашего на Полесье. Партизаны, говорит, сожгли. За то что евреев перебили, да свой колхоз при немцах организовали. Жалко мать! Теперь в землянке живёт. А так хорошо, пишет, работалось. Отдай в налог четверть и живи, как знаешь. От немецких начальников послабление. Пан голова наш в почёте у немцев. Церква работала. А таперь сбежал священник. Говорят к партизанам подался. Може и врут. И ещё мать пишет, в деревне сейчас батальон войска СС, из латышей. Лютуют, да девок портят. Вот, блин, союзники. Попаду на ихую Латгалию, всех перетрахую. Так ты сказал, сожгли деревню, а теперь брешешь - живут! Собака брешет! Не! Нет деревни, а место свято пусто не бывает. Колодец есть, и всё такое. Сарай кое-какие целы. Вот и живут латыши эти. Всё лучше, чем в поле, али в лесу, не лезь поперёк батьки, а то сам на свой подъём и наскочишь. Понял, парубок хренов? Тоже мне, сичевой стрелец. Слухай, чего старшие говорят и мовчи. Тебе, Кныш, тише воды, ниже травы быть надобно. Помнишь, ты про братана – командира батальона рассказывал? А если немцы узнают, что ты брат коммуниста? Мовчи, гнида, сволочная, сопи в трапочку! Понятно? Степа-

нову тоже всё стало понятно. Здесь, в предполье, на случай наступления готовится засада против танков. И не зря силуэты солдат из Российской освободительной армии казались горбатыми. Это были ранцевые огнемёты, оружие страшное на близкой дистанции. После его применения бронетехника полыхала костром, из экипажа никто не спасался, а тут человек пять-шесть. И это только на виду. Разбредутся, замаскируются, будут днём танки и самоходки поджидать. Ну, нет, – сразу ему подумалось. С наблюдением сегодня покончено. Пора непосредственно воевать. При нём кроме заветной «лимонки», была винтовка снайперская Драгунова, да пара гранат посерьёзнее. Против техники очень даже тяжёлой рассчитанных. Вот одну он и бросил, попав точно среди говоривших силуэтов. Ударило громом и полыхнуло так, что даже сквозь предварительно закрытые веки вспышка показалась непомерной. Да и было от чего. Взлетели на воздух и воспламенились огнемётные устройства, хорошо хоть рот во время приоткрыл, а то и без слуха остаться можно было! Степанов быстро откатился в сторону, но никакой стрельбы из немецких окопов не было. Не поняли они, – подумалось снайперу, не видно же ни черта из-за огня! Остаюсь, – внезапно пришло решение. Был у него и запасной вариант укрытия, сгоревшая полуторка, от которой остались колёса без резины и часть металлической рамы с карданом, располагалась метров в двухстах, и он пополз туда. Однако, место оказалось занятым. Хорошо, какой-то несмышлёныш, решил

покурить в своём укрытии, полагаясь на погоду и собственное наблюдение. Самого курильщика видно не было, да вот вспышка спички или зажигалки засекалась снайпером мгновенно. Предстояло установить, кто, собственно говоря, в теремочке живёт? Может и свой какой приبلудился. По нейтралке вроде бы не должны бродить толпы желающих разведать чего, но, к примеру, есть разведка батальонная, полковая, дивизионная, армейская и так далее. Кто знает, кому из высоких начальников пришла в голову идея послать разведчиков именно сюда? Пришлось затаиться и ждать. Вот оно! Послышалась тихая немецкая речь, судя по всему, под полуторкой затаились двое. Это могла быть снайперская пара, разведчики-наблюдатели, а то и корректировщики артиллерийского огня. Судя по обрывкам своего школьного немецкого переводились их речи примерно так: Скоро рассветёт. Пора бы уже сменяться, естьхочется и спать. И всё. Поскольку вторая граната полетела в сторону говоривших. Только через секунд семь послышался взрыв, на месте полуторки образовалась воронка с перемешанным в куски железом, песком и частями тел и оружия, а бывшему школьнику Степанову Ваське пришла в голову мысль о тех русских офицерах из «Войны и мира», которые будучи на рекогносцировке болтали по-французски и были застрелены казаками! И поделом! Не те времена, однако! На нейтральной полосе болтать по-немецки могут только немцы. Теперь надо ползти назад, к своим окопам. Не получилось сегодня, получит-

ся завтра. Через полчаса, в окопе, он пил горячий и сладкий чай с кусищем ржаного хлеба, намазанного американской тушёной. И, поверьте, отнюдь не брезговал горячей картошкой, только что извлечённой из котелка. Его ждало его отделение. Многие из снайперов с задания пока не вернулись. Да и дела войны повседневные ждали. До конца войны оставалось девятнадцать месяцев. Знать про это старшине Степанову было не дано. И пошёл он в ближний тыл, в расположение своего отделения. Досыпать остатки ночи, а завтра опять была война!

Вот такие дела!

Как это часто бывает, ночь вступила в свои права очень быстро. Серое мутное марево, висевшее на сопках, внезапно сменилось непроницаемым чёрным покрывалом. Огромные ели, загоразивавшие окрестный небосвод, съжились, стали меньше, а потом совсем исчезли из вида. Стало ясно, что означает русское понятие «ни зги не видно», хотя, что такое эта самая зга, яснее не стало. Лежащий под выворотом гигантского дерева, упавшего и благополучно превращающегося в труху, человек устало потёр глаза. От внешнего взгляда его укрывали свисавшие в глубокую ямину корни. Поросшие мхом, они напоминали щупальца гигантского осминога, выброшенного на берег и ждущего, того, кто его выбросил, в ночной засаде. Визуально найти в этом хаосе кого-либо было, практически, невозможно. Но, это – взглядом. Однако были и другие способы обнаружения. Сонар собачьего носа, тепловизор патрульного вертолёта, дальнедействующий металлодетектор. Да мало ли способов найти и убить человека придумали инженеры и техники. В конце концов все эти учёные, так хорошо названные доцентами с кандидатами, в своём стремлении к новым вершинам и открытиям готовы не то что отдельного человека угробить, всю землю взорвать к такой-то матери. Просто, что бы после эксперимента посмотреть, совпадёт

результат с ими предсказанным, али не совсем! Лежавший в укрытии человек решал в этот момент простой на первый взгляд вопрос «быть или не быть?» Трогаться в путь сейчас, рискуя поломать ноги в крошечной темноте, или идти при свете, облегчая работу преследователей, но сберегая конечности. Получалось плохо. Куда ни кинь, везде клин, а его учили из двух зол выбирать меньшее. Ещё вчера они были отряд. Рядом шли те, кто мог помочь ему, своему командиру в выполнении задания. Радист, взрывник и опытный проводник из местных территориальных органов. Проводивший инструктаж полковник особо подчеркнул всю щепетильность задания. Проводится на территории соседней, отнюдь не дружественной страны. Объект – группа наёмников из стран Востока, а может быть и спецслужбы соседнего государства, захватившие двух учёных, осуществлявших и успешно осуществивших поиски бункера времён войны с сохранившимся, возможно, объектом прикладной парапсихологии и его документацией. Данные были изысканы в архивах организации «Анаэрбе» недавно. Получить артефакт и результаты научных экспериментов, проводившихся немецкими учёными, было очень заманчиво. Русские разведчики были опытными специалистами. Купив тур, они представлялись туристами. Семейная пара – муж и жена. Чуть ли не свадебное путешествие по лесным просторам соседней страны. Будто своих лесов в России

для этих целей стало недостаточно. Средством связи был обычный, ну, не совсем обычный, мобильный телефон. В последнем своём сообщении говорилось об успешном выполнении задуманного. Таинственный объект был обнаружен, координаты сообщены. Именно для выноса архива, составлявшего несколько десятков папок, и посылался отряд. Сам объект предлагалось поднять на воздух. Всего-то! Но последний сеанс связи был прерван шумом борьбы, криками и руганью на русском, финском и арабском языках. Телефон, включённый на приём, послужил способом точного определения места. Несколько минут можно было слушать и сам проводимый допрос, сопровождаемый побоями обоих задержанных, но связь прервалась. Судя по всему, нападавшие обнаружили и отключили телефон. Задание спец. группы несколько менялось. Прибавилась необходимость освободить задержанных, и только потом приступить к уничтожению объекта и выносу полученных материалов. Места, куда предстояло отправиться, были сущей глухоманью. Туда, как говорится, не ступала нога обычного человека. Охотники, рыбаки и местные егеря вполне могли там встретиться, а обнаруживать себя было никак нельзя. Граница, в целом, была вполне проходима. Постоянной охраны не было, соседняя страна, как государство довольно развитое в промышленном отношении, надеялось не на человеческий или собачий глаз. Расставленные

в секретном порядке датчики, видеокамеры, беспилотные дроны, осуществляющие постоянное слежение, патрульные облёты вертолётов – всё это вполне заменяло труд пограничников. В нескольких местах были казармы для сосредоточения сил быстрого реагирования, готовые по тревоге вступить в любой, в том числе и огневой, контакт, а при необходимости и уничтожить нежеланных гостей. Вот почему сразу стало ясно, о действии банд. группы, напавшей на наших, скажем очень обтекаемо, туристов, местные спец. служб прекрасно были оповещены. Если нападение, вообще, не было совершено по их прямому приказу. Организовать вторжение было решено в нетрадиционное время. Не ночью, не в утреннюю или вечернюю сумрачность, почти открыто. В полдень с одной из лесных полян в воздух поднялись четыре дельтоплана. Им предстояло быстро преодолеть около двадцати-тридцати километров, совершить посадку, а за тем на них же предполагалось вернуться домой. Каждый из аппаратов при помощи специальной подвески, как бы соединявшей пару в единое целое, был способен транспортировать пассажира с приличным грузом. Таким образом вопрос о скорейшей доставки назад захваченных заложников и изъятых документов казался решённым. Полёт шел на высоте метров в семьдесят. Не смотря на летнее время, тугие потоки встречного воздуха сурово холодило лицо и, если бы не очки, смотреть вперёд явилось бы непосильной

задачей. В расчётное время дельтопланы вышли на точку высадки. Командир жестом показал – снижаемся и посадка. Но в последний момент произошло то, что невозможно было предвидеть. Когда четыре дельтопланы, готовые к посадке, перешли на бреющий полёт, проносясь над самыми верхушками деревьев, навстрече им поднялась как бы сеть, сплетённая из малиново-красных нитей. Увидев её командир резко бросил свою машину в пике и врезался в верхушку огромной сосны. Оставшиеся в воздухе уже ничего не успели. Войдя в соприкосновение с огненным препятствием, все три машины мгновенно вспыхнули и камнем пошли вниз. Один за другим послышалось три не сильных взрыва, командир понял, рассчитывать отныне он может только на себя! Быстро, без суеты, выпутавшись из обломков и спустившись вниз по стволу огромной сосны, для чего с последних метров пяти пришлось прыгать, командир поправил рюкзак и осмотрел оружие. Специальный десантный автомат, штык-нож, финка в берце, пистолет у пояса, пара гранат, да маленький револьвер ниже коленного сустава в почти открытой кобуре, максимально облегчающей доставание и применение. Чем хорош револьвер? Не надо ни досылать патрон в патронник, ни снимать с предохранителя. Как только в руке, к стрельбе готов! Минусом было отсутствие связи. Плюсом – наличие в рюкзаке аптечки, запаса патронов, воды во фляге и значительного количества десантных пайков.

Автономность обеспечивалась полностью. При такой экипировке выполнять задание было можно! А проблемный вопрос, каким образом придётся выбираться, он оставил на потом, рассчитывая на силу великого русского авось. Смешно было бы сейчас думать о далёком будущем, если совсем не ясным оставался вопрос сегодняшнего выживания. И уж если была применена такая техническая новинка, похоже, вели их от границы, если только по своим источникам на территории России заранее не получили все сведения о пролёте группы. Сгоревшие товарищи были отложены в памяти. Придёт время, решил командир, он лично посчитается с теми, кто лишил жизни его бойцов сегодня, сейчас не время. Часы на руке, компас на другой и карта, кстати, очень подробная. Место, откуда в последний раз вела переговоры группа разведчиков, на карте отмечено, азимут определён. Вперёд. Легким скользящим шагом воин начал движение. Набрав нужный ритм запел. Под песню бежать легче, и дыхание адаптируется к песне легче. А что поёшь неважно. Важен ритм. «Давай за жизнь, давай за нас, ещё давай за наш спецназ!» И так далее. В отдалении послышался лай нескольких собак. Бегать с ними на перегонки занятием было бессмысленным. Заранее обдумывая направление, он выбрал неглубокий, но бурный ручей, протекавший примерно в том же направлении, куда стремился и он. Спрыгнув в воду, которая местами доставала до пояса, пошёл вверх по течению.

Хорошо хоть дно было песчаным, продвигаться было легко. Метров через триста, заметив нависшую над ручьём толстую ветку, командир несуществующей теперь группы, аккуратно взобрался на неё и по толстому стволу перебрался на берег. Движение продолжилось. Читатель! Пора бы нам поближе познакомиться с тем, кто, в отличие от нас грешных, предпочел работу в оффисе или на производстве, неблагодарному труду по защите Отечества от внешних и, особенно, внутренних супостатов. Судя по тому, что в 32 два года был он майором спецназа, имел полную грудь правительственных наград, делал он это хорошо и отлично. Как всем спецназёрам был присвоен ему личный позывной, а именно, «Гранд», отмечавший пристрастие к изучению казалось бы совершенно далёкой от окружающей жизни истории альбигойского движения в феодальной католической средневековой Франции. Собирал майор и художественную литературу, и серьёзные источники, а началось увлечение в далёком детстве, после просмотра детективного кинофильма «Ларец Марии Медичи». В анкете же он числился вовсе даже Солнцевым Евгением Петровичем, и откликался в обычной жизни, не ограниченной уставами, на имя Жека! С друзьями, конечно! Характер имел тяжёлый, спорить по пустякам не любил, но если уж шёл на принцип, то до конца. Среди своих считался счастливым. Сколько раз он и его бойцы выходили из различных передраг. Но не в этот

вылет. Таких потерь он не имел никогда. Все эти мысли бежали своим неспешным чередом, бежал и он сам, осторожно огибая сухостой и стараясь не оставлять слишком явных следов своего присутствия. Минут через сорок, сознательно обозначив свой путь, он остановился. Место было определённо подходящим. Слева и справа залёг непроходимый бурелом, лишь между двумя деревьями можно было протиснуться и вести свой путь дальше. Именно через несколько шагов от естественного прохода нападавших должна была встретить первая ловушка. Незаметная растяжка поперёк дороги сдерживала в высоте с огромным трудом поднятый на альпинистском тросе гигантский чурбан, а метров через сто в мелком кустарнике дожидалась ловушка, представлявшая из себя остро зачищенные колышки в руку длиной, укреплённые на ветке при помощи остатков всё того же троса. Наступивший на прут, удерживающий ветку, мгновенно её высвобождал, ничто не могло препятствовать ходу самодельного оружия к стремительному поражению жертвы собственной неосторожности. Затем бег продолжился. Начало слегка смеркаться. Пора было подумать о ночлеге, и выворот огромного упавшего дерева надёжно укрыл майора. Перекусив имевшимся пайком и запив водой из фляги, беглец почувствовал себя значительно лучше. Потерянные силы требовали немедленного качественного восстановления, ноги и руки гудели от напряжения.

Сон – приказал он себе, и тут же мгновенно погрузился в чуткий, но всё равно освежающий сон. А проснулся он часов через пять от звуков далёкой беспорядочной стрельбы, отзвуках криков боли и ненависти. Судя по всему, его задумки сработали, несколькими, сидящими на хвосте преследователями, стало меньше. Вот сейчас-то и приходилось решать! Вечный вопрос русской интеллигенции даже не возникал. Что делать – было совершенно ясно – продолжать! Преследовать, найти, догнать и уничтожить. Оставались детали, вроде когда? Сейчас или ждать рассвета. По ночному лесу не побегаешь, сломаешь ногу – нет тебя на Земле. Звери окончат твой жизненный путь, может, и люди. Так что решение было одно – с рассветом трогаться в путь. Перекусив и выкурив сигарету, он давно бросил эту дурную привычку, но в экстремальных ситуациях иногда покуривал, решил оставить по себе добрую память и тут. Выбравшись наружу, соорудил из веток подобие маскировки, закрывавшей вход в ямину, а затем, отойдя на двадцать шагов, протянул между двумя кустиками какой-то растительности леску, на концах которой в неглубоких ямках покоились противопехотные гранаты. А для усиления эффекта гранаты были помещены в полиэтиленовые пакеты, наполненные собранными в земле под корнями осколками гранита. Тщательно замаскировав ловушку и не забыв присыпать верх её для верности смесью кайенского перца

с мелко помеленным нюхательным табаком, великолепно отбивающей охоту идти по следу у самой любопытной собаки, майор опять вышел на тропу войны. И в прямом, и в переносном смысле. Почему-то припомнились слова сумасшедшего полковника из «Приключений Гекэльбери Финна»: Я на военной тропе, скоро гробы подорожают. Светало. Уже можно было различить поверхность, покрытую кустиками клюквы, черники, брусники и корнями какого-то мелкого, ужасно цапучего кустарника. «В путь, в путь!», – Зазвучала в ушах почти забытая с училищных времён песня. «А для тебя, родная, есть почта полевая. Прощай труба зовёт. Солдаты-в поход!» И опять бег, бег и бег. А песня звучала и звучала, помогая держать темп и дыхание, согревая душу. Потеря отряда, тех с кем он прошёл не одну войну и выходил из боёв без потерь, вызывала одновременно и грусть и приступы страшной ненависти. А ведь и то, и другое только расслабляет. В то время, как надо было полностью сосредоточиться на выполнении задания. «Каждый воин – парень бравый, смотрит соколом в строю. Породни, роднились мы со славой. Славу добыли в бою! Окончательно рассвело, и вдруг откуда-то издалека пахнуло запахом костра, запахло пищей. Кто мог совершенно открыто готовить и жечь костёр на этой земле? Уж, конечно, не те люди, что скрываются от местных властей. Это могли быть мирные туристы, а могли и вооружённые бандиты, напавшие на соотечественников. И сразу майор

превратился в гигантскую кошку, скрадывающую очередную жертву. Резко повернув в сторону, он рванул в обход возможного лагеря противника. А позади, там где оставались преследователи, гроыхнуло два взрыва. Ничего более услышать не удалось, оставалось надеяться – на растяжке подорвался не пробежавший по своим делам лось, а группа хорошо вооружённых преследователей. И, уж, совсем отлично бы было, если бы держались они устало, расслаблено, шли кучно. Но, это с точки зрения постановщика на тропе данного хитроумного препятствия! Пробежав около километра и постоянно следя за тем, что бы учитывался более длинный шаг правой ноги, майор повернул и начал делать крюк, это позволяло оказаться в тылу противника. Вскоре пришлось перейти с бега на медленный шаг, затем и вовсе ползти. И не зря. Впереди показалась лесная сторожка, одиночное строение, которого, кстати, не было на карте. Внешне, вокруг никого, но это могла быть и видимость. Хитрая современная детекторная аппаратура, размещённая на окрестных деревьях, легко позволяла осуществлять наблюдение, гораздо лучше, чем примитивный часовой. Оставалось затаиться и наблюдать, что и было проделано. А вскоре похвалить себя за предосторожность с предусмотрительностью. Хорошо, что он оказался с тыльной стороны лесного строения. Из леса, с того места, откуда, по идее, он должен был выйти, показалась группа людей, в количестве трёх

человек. Они тащили с собой носилки, с лежавшим на них окровавленным четвёртым. Заслышав разговор, из домика выбежали ещё трое. Лежавший в засаде не приминул отметить. Все – с автоматами. У пояса гранаты и ножи, одеты в армейский камуфляж, впрочем, как и прибывшие из леса. Завязался разговор на финском. Вышедшие из леса приняли участие, а из тех, кто ожидал, только один понимал и разговаривал. Два остальных говорили по-арабски, третий, бывший с ними, переводил. Спецназёр легко понимал оба языка. Его потому и отобрали из всех возможных кандидатов. По-фински, вернее, сначала по-карельски, он говорил с детства. Его родной городок с истинно русским названием Кондопога, скорее напоминавший посёлок, располагался на Севере, в нём было много карельских паренёв, играя с которыми в детские игры, он и обучился основам, а остальное, плоды дальнейшего повышения профессионального мастерства на специальных курсах и в воздушно-десантном Рязанском училище! Плюс постоянные сборы в перерывах между заданиями и боями. Разговор шёл интересный. Один из пришедших пояснил, в группе преследования было попервам около 20 человек. Точно сказать он сейчас не может, поскольку по ходу погони состав группы менялся. Выбывали по ранению и смерти одни, прибывали другие. Точно было известно, что преследуется один человек. Пограничники передали группе преследования съёмку

момента уничтожения в воздухе дельтапланов. Вроде всё было ясно. Летят четыре, сгорают и разбиваются три. В остатке-один. Но, судя по потерям, в живых остался матёрый зверь. За смерть попутчиков он взял обильную долю преследующих. Столько раненых и таким варварским путём, я не видал никогда, – закончил свое сообщение вновь прибывший. А после последнего сдвоенного взрыва их осталась только вот эта жалкая кучка, да и то все они получили ранения осколками камней и гранат. Из избушки медленно вышел ещё один вооружённый. Судя по всему, он продолжал ожидать возможного развития событий, что бы вмешаться из засады в самый подходящий момент. Подойдя поближе, вновь пришедший на ломаном финском сказал: Вертолёт прибудет к девятнадцати часам. Приказано все материалы и трупы задержанных и наших доставить в центр. Почему трупы, – спросил один из вновь прибывших, а потому, – последовал ответ, что один из этих туристов, баба, охотно сама разделась, когда ей предложили помочь скоротать время всем в избушке присутствующим. И уже будучи голой, готовой к употреблению, пританцовывая, схватила лежавший на лавке автомат и открыла огонь. Двоих наших и своего успела убить, пока мы её не пристрелили. Так уже будучи при смерти, всё старалась нажать на курок и продолжать огонь. И что мы должны были делать? Что делать?, -взбешенно прокричал пришедший, судя по всему руководитель всего этого поиска. Узлом херы

завязать, потерпеть в конце концов. А теперь? Русских шпионов нет, ушедший с места крушения дельтопланов не найден, чего от него ждать – неизвестно. Может он в отрыв пойдёт, а может лежит сейчас в лесу, нас сторожит. Приказываю! Вы, он указал на тех, кто ждал на месте. Занять круговую оборону по периметру, расстояние не далее пятидесяти метров друг от друга, оружие – во все стороны света. Активизировать аппаратуру внешнего наблюдения. Это берёт на себя наша группа. После перевязки и отдыха, небольшого конечно. Тут он нагнулся к носилкам, провёл рукою по лицу в области глаз лежавшему там человеку и сказал, ушёл в Вальгаллу, будет там с викингами пировать. Так я лично, туда не тороплюсь! Отдых отставить, перевязки в ходе работ. Всё! До вертолётa доживём, а там, документы с собой и айда! Пусть другие с такими неправильными туристами и дельтопланеристами воюют! Четвёрка заняла позиции по углам строения, не особенно маскируясь, но используя как прикрытие огромные валуны, живописно разбросанные циклопической силой по окрестности. Прекрасно всё это слышавший и понявший майор Жека, тоже изготовился. На часах около восемнадцати. Время мало, но оно было. В голове вызревал план действий. Соорудив из своей куртки с поднятым капюшоном подобие солдата, он замаскировал его среди росших густо молодых ёлочек, поднял чучело вверх на уровень человеческого роста,

а затем закрепил на куртке половину маленького зеркала, использовавшегося для бритья. Отползая шагов на двадцать в сторону от ловушки, майор при помощи оставшейся половины начал пускать солнечных зайчиков, стараясь попасть в осколок, укреплённый на куртке. Сам он сидел спиной к противнику, его манипуляции со стороны дома были не видны. Несколько раз там где он оставил приманку, сильно блеснуло, что немедленно привлекло внимание наблюдателей противника. Ещё бы! Именно так может блеснуть оптический прицел незадачливого снайпера, при изготовке к стрельбе не учёвшего положения светила. Мгновенно, очевидно оповещённые по связи, все четверо наружных наблюдателей оказались напротив чучела. Сам же майор видел их сбоку. Нисколько не опасаясь нападения, уверенные, противник перед ними, четверо были отличной мишенью. Один из них успел достать и метнуть в заросли ёлочек гранату. Её разрыв совпал с короткой автоматной очередью, положившей конец присутствию в лесу кого-либо ещё кроме спецназовца. На шум взрыва и выстрелы из избы выбежала последняя тройка преследователей. Не повезло и ей! Уверенные в уничтожении противника, они совершенно открыто передвигались в ту сторону, где, как они считали был уничтожен враг! Наивные. Их ждал прицельный огонь на поражение. «Вот и всё. Собирай рюкзаки, – всплыло в памяти, – Ты осёл и я осёл и вообще мы дураки.» Эту песенку любил напевать его отец, кадровый

военный, прошедший столько горячих точек, что на карте, казалось, уже и места, где бы он не был, не оставалось. Отец говорил, это старая бардовская песня, а кто автор, он не знал. Во времена его юности магнитофонные ленты переписывались друг у друга. Кто, чего и где написал, мало знали! Нерешительность и жалость – таких слов в лексиконе спецназа нет и быть не может. Поэтому все, с кем вступил он в бой в этом тихом лесном месте, получили по дополнительному выстрелу в голову, хотя двое из них ещё подавали признаки жизни и в хорошем госпитале могли бы быть, вероятно, спасены! Быстро, но соблюдая предосторожность, майор вошёл в домик. Так и есть. В углу, прикрытые тряпьем, лежали три трупа. Двое своих, которых он никогда не видел, и третий, принадлежавший к вражескому лагерю. Смерть примирила бывших врагов. Накрыв трупы одеялом, быстро оценил обстановку внутри помещения. Внимание привлёк мощный радиотелефон спутниковой связи. Возникло желание его немедленно использовать и переговорить со своими, вот делать-то это было никак нельзя. За эфиром могли следить. Ещё в углу лежал тубус зенитно-ракетного комплекса. «Стингер», – подумал майор. Старьё, но старьё работающее. А вертолёт вот -вот мог показаться из-за елей, окружавших поляну. Пора было почистить территорию. Забросив тубус за спину и взяв радиотелефон, майор покинул домик, где уже явственно стало пахнуть трупами. Все убитые

враги были усажены в различных позах перед домом, разожжён костёр, обильно снабжённый сырыми ёлочными ветками. Те, кто ранее занимал строение, были у себя дома. Могли же они развести костёр или просто так, или для отпугивания роившихся и гудевших беспрестанно комаров. Да и на поляне было старое кострище. Дым отлично маскировал. Разглядеть через него, насколько живы были ожидавшие прибытия, практически, стало невозможно. Временами даже могло показаться, покойные меняют позы, передвигаются. Вот что делала игра света и теней! Раздался зуммер переговорного устройства. Подумав, майор не стал отвечать. Мало ли что могло случиться? Может рацию в котёл с каким-либо варевом уронили, или на неё медведь наступил! А тут и вертолёт вынырнул! Встав в полосу дыма от костра, ожидавший стал махать руками, как бы приветствуя прилетевших. Вертолёт завис, а потом резко пошёл вниз. По спущенным тросам устремились четверо десантников. Такого оборота событий ни коим образом не ожидалось, однако не такому случаю было смутить российский спецназ. Перекинув автомат из-за спины майор открыл прицельный огонь. До земли живым не добрался ни один, а вот вертолётчик видать почуяв неладное, стал резко набирать высоту. Вот и пригодился «Стингер», – подумал майор. Через мгновение на том месте где только что, гордо сверкая, резали воздух огромные лопасти, раздался взрыв. Мгновенно вспух огненный шар

и вниз из него посыпались сперва стальные детали, а затем и сам вертолет. Именно посыпался, поскольку ещё в воздухе стал разваливаться на составные мелкие и мельчайшие части! Две вещи мучали майора. Где архив? И как теперь добираться до чёртовой лаборатории? Вопрос о том, чем её взрывать, не появлялся вовсе! Вернувшись в домик майор начал тщательный поиск. Удача! В одном из углов им была обнаружена целая упаковка старых папок. Написанные на немецком языке надписи предупреждали: Внимание! Совершенно секретно. Для ознакомления нужен личный допуск рейсфюрера СС Гиммлера! Очевидно, это и были искомые материалы. Но занимали они достаточно много места. В рюкзак поместить обнаруженное было довольно сложно. Предстояло потрудиться. В углу, на столе, где размещалось техническое сопровождение прежних хозяев, были современный компьютер и сканер, печатное устройство. Работа закипела. Первое – перенос информации с бумажных носителей в компьютер. Процесс нудный, довольно долгий, но не сложный. Второе – перенос полученной информации на флешку. И не нудно, и не долго! Около трёх часов ушло на всё, про всё. Затем затаскивание трупов в строение, разбрасывание по углам трофейных папок с немецкой документацией, крушение аппаратуры и – апофеоз. Огромный пионерский костёр вспыхнувшего домика. Огненное вознесение, братская могила врагов и друзей!

Рвущиеся от огня боеприпасы бывших противников усилили погребальное зрелище подобием салюта в честь павших, а тот кого позывные были Гранд, давно уже бежал по направлению к месту расположения бункера времён войны. Ему предстояло выполнить намеченный план полностью и разобраться как с неким, находящимся внутри артефактом, так и самим убежищем немецких учёных. И опять не стал он прибегать к услугам радиотелефона, над лесом слышалось постоянное гудение. Похоже, около четвёрки вертолётов бороздило небо над тем местом, где пролегал его маршрут. Совершенно не исключалось их оборудование специальными суперсовременными тепловизорами, аппаратурой, способной отследить человека в любых, самых густых зарослях и отличить его от крупного зверя, дальше всё было бы делом техники. Но и этот вариант был учтён. Извлечённая из рюкзака маскировочная сеть, последнее изобретение специального НИИ, позволяла видеть на экране преследователя только слабый фон, идентифицировать который невозможно. Опять в путь, опять песня, помогающая бегу, опять ложившиеся под ноги километры пути. Через несколько часов показалась приметная сосна, выделявшаяся на фоне сестёр тем, что имела три верхушки, чем-то напоминавшие самостийный трезубец наших щирых собратьев по православию! Стоп! – скомандовал сам себе боец, и медленно, попластунски, пополз к открывшемуся под сосной входу

в бетонный бункер. После чего не приминул похвалить себя за осторожность, как говорила много лет назад его бабушка: Сам себя не похвалишь, сидишь, как оплётанный! Неподалёку от низкого входа, в густой траве, сидели двое, одетые в камуфляж и при десантных автоматах. Оттуда доносился лёгкий запах спиртного и мясного консервированного продукта. То-ли болгарского «Лечо», то-ли, производства той же страны, красных перцев с мясом и рисом. Давно и хорошо знакомый с детства запах, из того времени, когда болгары ещё были братушками, и не было гонений на каменного «Алёшу» в Пловдиве! Пришлось понаблюдать. Судя по поведению птиц, да и окружающей обстановке, охранявших, кроме находившихся у костра, не было. Никто не сидел в елочках и зарослях жимолости, не находился в бункере. Подобравшись поближе, майор начал слышать беседу. Говорили опять на финском. «Повезло ребятам, сидят сейчас в домике лесника, еда есть, выпивка. Даже бабу какую-то прихватили. Вроде туристка, когда задерживали её, руку одному нашему сломала, ножом крутила – не подойдёшь. Вилли дал ей сзади прикладом, а то бы могла ещё многих поранить! Туристка!» Второй голос объяснил на полном серьёзе: «А может озверела? Мужика её сразу кончили, а оружия у него не было. Полез в карман, тут в него и попали. А в руке паспорт оказался и бумага, разрешающая путешествие по этим местам. Не дай бог, правда туристы. Грехов

не оберёшься!» «Не наше дело, – отвечал первый, – Приказано было задержать, задержали, в каком виде, про то пусть начальство думает, хотели бы живыми брать, послали бы войска обычные или полицию. Мы штурм-егеря, спецы по причинению телесных повреждений, устранению угроз и всё такое прочее, вовсе даже не полиция! Это они преступников задерживают, мы врагов убиваем! Вот скажи, чего мы тут сидим? Кого и от чего охраняем? Этот бункер с войны стоит, кому он теперь-то понадобился? Но ответить его приятель не успел. Два стремительно прочертивших воздух сюррекена прервали жизненный путь бойцов финского спецназа. По одному за каждого из погибших русских туристов, подумал Гранд, а затем тщательно обследовал начало входа в старый бункер. Никаких явных препятствий не было, однако дымок пригодившейся на этот случай сигареты, направленный на вход, чётко обрисовал пересекающуюся сеть невидимых глазу лучей. Войди в их невидимую сень, и ты полноценный свежеподжареный труп. Обследовав боковые ответвления входа, майор без труда обнаружил источник. Несколько приборчиков размером с детскую ладонь обеспечивали перекрытие всего периметра входа. При взгляде на эту технику, легко было убедиться, преодолеть препятствие невозможно! Нет сбоку входа минных ловушек, размещение которых на бетонной поверхности являлось практически невозможным. Зато внизу, под ногами, такая вот жуткая

вещь была. На бетонном полу входа лежали давно известные, но не ставшие от этого менее смертоносными, лепестки противопехотных мин. Злая и коварная малютка человека не убивала, ограничившись, как правило, отрывом стопы. Не видали мы говна, – подумалось и улетело в пространство. Опять пришлось применять совершенно секретную технику. И накидка, спасающая от тепловизора, и переключатель лазерных излучений, были настолько засекречены, что их даже не доверили технику группы. Инструктаж по работе с ними лично был проведён с командиром. То что эти вещицы хранились у него, спасло их от неминуемого уничтожения в первом, совершенно несчастливом контакте с коварным и хитрым противником, стоившим жизни всей его группе! Приборчик был положен на козырёк входа, включён, и сеть лазерных лучей повернулась вверх и замкнулась в том месте, где он находился, с минами и вовсе было просто. Смотри под ноги, не забывай смотреть по сторонам и вверх, да не забудь о тылах – таков был девиз спецназа, да и любого современного солдата, желающего вернуться с войны целым. Практически вечный ручной армейский не совсем обычный фонарик, работающий не на батарейках, а на каких-то ещё принципах, давал вполне достаточно света для продвижения вперёд. Выложенные бетоном стены, оставшиеся от старых времён, толстые змеи кабелей по ним, всё это зримо напоминало Гранду виденные в детстве чёрно-белые фильм о войне.

Казалось, вот-вот за ближайшим поворотом покажутся тени измождённых, работающих до полного изнеможения советских, умирающих от голода и непосильной работы в забое, военнопленных, отсветы карбидных фонарей, охраняющий пленных конвой и злобные немецкие овчарки. Через несколько метров от входа путь круто раздваивался. Налево шла вполне ухоженная бетонная дорожка, кое-где покрытая остатками коврового покрытия. Направо путь продолжался в виде уже не бетоном выложенного туннеля, а просто земляной выработки, даже не усиленной и не укреплённой деревянными подпорками и крепёжным брусом. Приходилось понимать так, всякие работы в этом направлении были внезапно прерваны. Может быть и в виду скоростного, позволявшего избежать полного разгрома и капитуляции, заключения мира с СССР маннергеймовской Финляндией в 1944 году. Исторические вопросы нашего героя сейчас, в бункере, совершенно не занимали. И почему бы благородному дону не сходить налево?, – подумал Гранд и выполнил своё решение. Внезапно, впереди забрезжил свет. Учитывая постоянно поднимавшуюся поверхность, можно было понять, впереди выход из туннеля, Точно! Но, большой сюрприз, примерно, отделение кого-то поджидающих егерей. Уж не меня ли ждут, – промелькнуло в голове, и майор поспешно двинулся обратно. Как оказалось, добраться до разветвления и повернуть направо, было делом минут. Очень вовремя! Пришлось бежать.

Сзади настигали егерь и собака, которую в любой момент могли спустить с поводка. Ход сужался. Потолок опускался всё ниже и ниже, очень скоро бег пришлось прекратить. Вперёд можно было продвигаться либо гусиным шагом, либо ползком, а вскоре, только ползком. Пришлось снять рюкзак и вместе с автоматом толкать его перед собой. Но вот впереди показалась небольшая в ширину и длину, но с высоким потолком пещера. Осветив пространство фонарём, майор с удивлением обнаружил, по центру течёт ручей, довольно широкий и глубокий. Там, откуда он вытекал, скалы опускались почти до дна. Выхода в эту сторону не было. Шум, доносившийся из лаза, заставил ускорить принятие решения. Уходил ручей в глубину скал, его дальнейшее русло представляло из себя почти доверху заполненный водой, но, всё же куда-то ведущий, возможный выход. Отойдя на пару шагов от места своего прибытия, майор достал нож и стал ждать. Так и есть. Из отверстия показалась голова огромной собаки с разверзнutoй до невероятной ширины пастью, язык, с которого капала слюна, зубы размером в пару дюймов. Нечего было и думать о рукопашной. Пришлось убрать нож и пристрелить этого демона не быстрой и очень болезненной смерти! Пора было решать. Глубоко вздохнув и осенив себя напоследок крестным знаменем майор вошел в воду. Ледяной холод мгновенно охватил его тело. Тысячи ледяных игл обжигали, да что там, жгли, доставая до самых укромных

мест. Однако, подумалось отчего-то! Тренированное тело, поднырнув под своды ручья, пошло по течению. Очень скоро потолок русла стал выше, уже можно было переправить рюкзак и автомат на спину. До этого сделать так было не возможно. Мешал нависающий свод. Ручей мелел, впереди послышался шум, посветив вперёд, спецназовец понял, пора задерживать движение. Течение ослабевало, что и позволило встать на ноги, а затем осмотреться. Впереди вода падала с небольшой высоты и продолжала движение. Но вот надо ли было и ему подвергаться подобному перемещению? Мотив, слышанный когда-то по радио, со словами: «Прощай хозяин дорогой, а я иду вслед за водой» тут как то не подходил. Внезапно внимание майора привлёк неясный, но отличающийся цветом от окружающих стен, квадрат в самом верху нависающего свода. Четко, в свете фонарика, стали видны написанные по-немецки слова: Ахтунг. Ахтунг». И рисунок человеческой ладони. Недолго думая, ладонь была приложена. И что же? В своде внезапно открылся проход и сверху спустилась лестница, оставалось только подняться. Может именно там скрывался тот самый артефакт, что был обнаружен, но не вынесен, убитыми туристами. Да и вообще, что скрывается за этим учёным словом, представлялось плохо. Вернее, никак! Вот скрылись в лазе ноги поднимавшегося, лестница также поднялась наверх, и проход закрылся. Светлое округлое помещение встретило своего исследователя.

Абсолютно пустое пространство. Ни вещей, ни мебели, ни аппаратуры. Абсолютно ничего. Нда! Только и вымолвил майор. Нравится? – откуда-то сверху раздался милостивый женский голос. Прошу любить и жаловать. Я провела проверку по лингвистическим кодам. По моим данным вы носитель русского языка. Потому и обращаюсь к вам на нём. Присаживайтесь! Тут же, на глазах изумлённого майора, из ничего возникло мягкое удобное кресло, несколько необычной формы. Благодарю, ответил поражённый, но не утративший предосторожности Гранд. Я, как вы видите, совершенно промок, весь в глине. Мне не хочется нарушать этикет и отказываться от предложения, но и пачкать что-либо я тоже не хочу. Нет проблем, – вновь ласково проговорил голос, – Встаньте пожалуйста в круг, обозначенный на полу. Никакого такого круга на полу не было. Но стоило ему чуть двинуться, как четко очерченный обрис метр на метр в поперечнике явственно проявился на полу. Что делать? Конфликтовать пока причин не было. Пришлось стать в середину круга, и сейчас же с потолка упал сноп мощной, чуть вязкой массы. Было такое впечатление, воздух спрессовался, стал настолько плотным, что его можно было бы при желании резать ножом. Через мгновение густение воздуха внезапно прекратилось. Всё, что имело отношение к вещам – экипировка, оружие, одежда и обувь – стало выглядеть так, как будто только что было произведено и всем этим

ни разу не пользовались. Интересно, пронеслось в голове, сохранилась ли работоспособность огневого запаса после такой вот обработки? Нож -то работать должен, чего ему сделается. А с едой как? Тот же голос сказал, – с оружием и едой всё в порядке. Прошу извинить, но вынуждена предупредить. Я читаю ваши мысли. Это первое. И второе. На моей территории у вас врагов нет, расслабьтесь и перекусите. Хотите, используйте свои запасы, а нет, я вам предлагаю обед. Что вы скажете насчёт утки под апельсиновым соусом, креветок по-вьетнамски и ломтиков андижанской дыни на десерт? Выбираю гостеприимство, – подумал майор, и тут же перед ним оказался накрытый низкий столик с серебрянной тарелкой и такого же материала ножом и вилокй. Сверху полилась лёгкая музыка, кажется, это был Гершвин. Серебряная чарка вместимостью в стакан наполнилась вином. «Ахашени», – сообщил тот же го голос, – Урожая 1964 года, а затем стол был дополнен серебрянным судком с уже очищенной от костей жареной уткой, маленькой серебрянной кастрюлей с крупными креветками под коричневым соусом и серебрянного блюда с тонко нарезанными ломтями зрелой, истекающей соком и ароматом дыни. Приятного аппетита! Кушайте на здоровье! Но, майор не спешил приступать к еде, хотя желудок просто заходился в спазмах от этого пиршества цвета, вкуса и запахов. Прошу разделить со мной трапезу, – обратился гость к невидимой хозяйке,

и тут в голосе отчётливо прозвучали нотки откровенного сожаления и скрытого желания. Но я технически не могу, послышалось в ответ. Столько лет одна, всё одна, а тут такой приятный собеседник! Эх! На что не пойдёшь ради хорошего человека! И из стены вышла женщина на вид лет 25, одетая в старинное русское платье. На голове её была кика, следовательно, по русскому обычаю, женщина была или замужем, или вдовой! Или вдова должна носить плат? – промелькнуло в голове. Майор встал, предложил своё кресло пришедшей, и она с грацией царицы села за стол. Немедленно появилось второе кресло. Спросив разрешения, майор так же разместился за столом, на котором непонятно откуда появился второй прибор. Разрешите представиться, – начал гость. Майор российского спецназа Солнцев Евгений Николаевич. С кем имею честь? В ответ послышался тихий вздох. Давайте начнём наш обед, надеюсь вам у меня понравится. Прошу начинать. Стол за это время дополнился хрустальным графином с прозрачной жидкостью, а так же набором тарелок, серебряных вазочек и судков, заполненных чёрной, красной и белой икрой, грибами нескольких сортов, отварной картошкой, посыпанной свежим укропом, да рыбой-осетром, размером на половину немалого пространства стола. Майор налил себе из хрустального графина в серебряную стопку, вопросительно посмотрел на хозяйку. Та с улыбкой показала на вино. Было налито и ей. Итак, заговорила женщина,

я возвращаюсь к вашему вопросу. Я реальна, как у вас говорят, во плоти. Но по происхождению, я не принадлежу к человеческому роду. На земле до сих пор сохранились отголоски древних легенд и сказаний, в которых можно почерпнуть сведения и о нас, давайте сначала утолим голод. В облике русской женщины я испытываю чувства, которые присущи всем жительницам планеты Земля! За вас, – сказал майор. Пусть я до сих пор ничего не понимаю, так даже интереснее. В любом случае, если бы не гостеприимство, сейчас я бы уже принял бой и вероятнее всего погиб. Так что пью за вас! С этими словами стопка лихо опорожнилась. Женщина пригубила своё вино, трапеза началась. Только сейчас Евгений понял, как он устал и проголодался. Утка и рыба, холодные закуски и креветки – всё пошло в ход. Запасы еды стремительно таяли, хозяйка, увидев очень поредевшие блюда, очевидно распорядилась. Стол пополнился узбекским лагманом и мантами. Прекрасным дополнением была и садовая земляника со взбитыми сливками. Но и самому хорошему может быть положен предел. Основательно перекусивший майор почувствовал, ещё немного, и он просто напросто лопнет. По крайней мере ощущение было именно такое. Извините, – сказала хозяйка. Так получилось, что я забыла представиться. Обращайтесь ко мне, называя славное русское имя Татьяна, я вижу, что и самый мужественный воин не может противиться силам греческого бога сна Морфея. Ваша постель накрыта,

спокойной ночи, про всё остальное переговорим после отдыха. Хорошо? Столик с остатками трапезы и стоявшими рядом стульями исчез, но у одной из стен внезапно появилась тахта с ковром и мутаками в изголовье. Она была точной копией его спального места, оставшегося в далёкой Москве! И даже плед в сине-белую клетку был совершенно знаком. Свет стал менее ярким, исчезли звуки джазовой гершвиновской музыки. Спать, спать, спать, подумалось как-то сразу, а затем майор ощутил себя лежавшим на тахте, накрылся пледом и просто упал в глубокий сон!

Он не стал прислонять ладонь к нарисованной на потолке. Прошёл мимо, подумав мельком, а что-то, да должно было означать это изображение. Сменив тусклый свет вечно-го фонарика на обычный армейский, майор увидел, впереди лежит завал, оканчивающийся на самом верху узкой щелью возможного прохода. Ручей организовал здесь водоворот и наполнил водой достаточно глубокую впадину. Вода уходила, очевидно, между камней завала. Можно ли там было поднырнуть или нельзя – узнать предстояло только после погружения в ледяную грязную воду. Велик был шанс того, что стремительное течение, там, на глубине, прижмёт ныряльщика к камням, и не хватит человеческой силы противостоять течению! Так и останешься распластанным по камням! Как говорится, ныне и присно, и во веки веков. Аминь! Вот сверху чернеющая щель представлялась более надёжным путём продвижения вперёд. Пришлось лезть вверх. Хо-

лод донимал всё больше и больше. Мокрая одежда и обувь просто напросто высасывали тепло. Развести бы костёр, обогреться, а ничего, что могло бы гореть, здесь не было. Вода, камни, глина. Откладывать на потом продвижение вперёд было нельзя. Есть уже не хотелось. Лечь бы, где-нибудь на берегу моря, под жарким солнцем и на песке лежать, лежать, лежать! Завал при ближайшем рассмотрении оказался не узкой щелью, а довольно большим лазом. Казалось, вперёд и побыстрее, а что-то настораживало. Уж больно искусственным казался проход. Сантиметр за сантиметром майор пополз вперёд, ощупывая перед собой пространство. Надеяться на зрение было невозможно. Гранитный верх в свете фонарика переливался тысячами искрящихся огоньков, поскольку свет преломлялся в вкраплениях в гранит кварца, вот выдвинутые вперёд пальцы руки замерли. Поперёк лаза была протянута тонкая леска. Совершенно не исключалось применение взрывловушки. Пришлось замереть и тщательно обследовать препятствие. Точно. Слева и справа у стен лежали гроздья осколочных гранат. Малейшее напряжение, леска натягивается, и закреплённая до этого момента чека вылетает из гранаты. Остальные рвутся от детонации первой. Вспомнились школьные стихи далёкого детства: Дедушка в поле гранату нашёл и к сельсовету с гранатой пришёл. Радостно бросил гранату в окно. Дедушка старый, ему всё равно! А майору было не всё равно. Поневоле, ему приходилось обращаться с препятствием, как с лич-

ной проблемой. И большой! После ещё одного тщательного исследования, выработан план. Леска была аккуратно перерезана по середине и утоплена в глине, сам же майор прошёл опасное место, медленно ползя вперёд по пластунски. Ход сразу после этого места расширялся. Ручей опять уходил под землю, но вперёди видно было продолжение прохода, и опять это была земляная выработка, но на этот раз укреплённая подпорками и приобретающая видимость места, обработанного человеческой рукой, а не силами стихии. Через несколько метров штрек резко поворачивал в сторону. Майор сбросил на землю рюкзак, положил здесь же автомат и вернулся назад. Используя запасные шнуры для берц, продел своё нехитрое приспособление в две гранатные чеки. Дополнительно закрепил гранаты большими камнями и отошёл за угол, а затем резко дернул на себя. Раздался мощный взрыв. Врезаясь в стену до поворота полетели каменные и металлические осколки. Проход перестал существовать. Теперь можно было идти вперёд, не опасаясь нападения с тыла! А вот и световое пятно на полу. Достаточно высоко вверх шли деревянные опоры, ведущие или на другой горизонт, или, даже, на поверхность. Майор осторожно, но неуклонно продвигался по деревянным составляющим почти вертикального колодца, с трудом, опасаясь того что древнее деревянное крепление в некоторых местах может оказаться просто совершенно сгнившим, шаг за шагом – и усилия были вознаграждены. Вот и выход! Осторож-

но осмотревшись и не заметив противника, шахтёр поневоле вздохнул всей грудью показавшийся невероятно сладким воздух. Еловый лес, солнце, всё, даже кусачие комары, казалось желанным и чудесным. Тело требовало еды и отдыха. Осмотрев себя, боец понял, что надо срочно делать. Речь шла не только о нём самом. Быстрой и тщательной заботы требовало оружие. Обследовав радиотелефон, оставалось только порадоваться за такую японскую технику. Побывав в воде и под водой, аппарат продолжал работать. И опять потянулись километры лесной дороги, а вернее, елового столетнего леса с буреломами, оврагами и болотистыми лесными озерцами. Часа через три пути, именно у такого лесного водоёма и остановился майор. Сняв с себя всё обмундирование, он притопил его в прозрачном, не глубоком месте и сел чистить автомат, за ним последовали револьвер, пистолет, оба ножа и, в последнюю очередь, рюкзак. Затем тщательно простирнул своё обмундирование и, отжав, так и надел всё на себя. Здесь была вражеская территория. Изменения ситуации можно было ждать в любое мгновение. Достав из груды выложенных из рюкзака различных припасов, майор отложил в сторону два десантных пайка, пакет с сублимированной ветчиной и сухой фруктовый напиток. Затем аккуратно собрал все вещи назад в рюкзак. Вода во фляге послужила средством приведения ветчины в съедобное состояние, в той же фляге зашипел освежающий, со вкусом подлинных фруктов, напиток. Дёрнув за кончик короткого шнура, май-

ор привёл в действие химический процесс по разогреванию пищи. При современном развитии оснащения русского десантника, разводить костёр для приготовления не было никакой необходимости. Огонь бы не помешал для обогрева и сушки, но решено было не испытывать судьбу. Мало ли кто выйдет из леса к гостеприимному огоньку? После еды пришла пора и радиотелефона. В эфир пошли позывные и короткое сообщение. На этой волне его всегда ждали. Разговор шёл по арабски: Внимание! Говорит Гранд. Я в квадрате 17—54. Буду продвигаться в квадрат 12—39. Месяц вышел из тумана. Красный, синий, голубой. А наутро она улыбалась опять. Роджер. До связи. Самое интересное, что этот бредовый текст не содержал совершенно никакой информации. Личного шифра у командира группы не было. Говорить открытым текстом было нельзя, сказанная им абракадабра была заранее оговорена. Теперь следовало самостоятельно перейти финскую границу. Пославшие его наверняка были уверены в гибели всей десантной группы. Псевдошифровка предназначалась для обеспечения дополнительных мер по возвращению домой. До границы было около двадцати километров. Карта и компас помогли проложить маршрут. «В путь, в путь, в путь. А для тебя родная есть почта полевая. Прощай труба зовёт, солдаты в поход!» До темноты удалось преодолеть примерно половину маршрута. Перекус, отдых и опять в дорогу. Несколько раз в отдалении слышались звуки вертолётных моторов. Что там порешили

во вражеском штабе, было неизвестно. Либо сочли, диверсант взорвался в подземелье, а на связь выходит сумасшедший араб. Либо противник временно потерял его из виду, но считает живым и не прочь перехватить в районе границы. Когда до цели оставалась пара километров майор решил остановиться и попробовать определиться с ситуацией. Два километра, и он дома. Но вот как их преодолеть? Ночь во все не означала, что была абсолютная темнота. Белые ночи прошли, однако света луны было достаточно для продвижения. Очень осторожно майор двинулся вперед. Велика была угроза внезапного боестолкновения. Учитывая, что охота велась на него, охотник мог выбирать различные варианты. Например, ждать в засадах, или устраивать облавы, а жертве оставалось лишь одно – скрытное продвижение вперед. Всех не перестреляешь! Даже Рембо, хоть и был он киногероем, не раз терпел фиаско и попадал в плен. Что же говорить о простом смертном, которому никоим образом в плену быть не следовало? Самым разумным казалось выждать. Именно в предрассветные сумерки, когда после прошедшей бессонной ночи бдительность значительно ослаблена, можно и вовремя заметить засаду, и вовремя не попасть в природную, или искусственную ловушку. Расслабься и отдыхай, – приказал сам себе майор, и немедленно последовал своему совету. Поставив будильник ручных часов на 4 утра и включив режим вибрации, майор сладко задремал. Он лежал под огромной елью. Где-то в высоте догорали застрявшие в вет-

вах остатки его дельтоплана. Неподалёку три огненных пятна обозначили место падения членов его группы, узнать что-либо ещё он не успел. Все счёта с жизнью были окончены. Он летел вверх по огромному белому вертикальному лучу!

Русский сыщик Алексей Кошкин

Январский вечер в Санкт-Петербурге. В гостиной, обставленной кожаным гарнитуром с отделкой из карельской берёзы, уютно светит люстра под потолком. Дрова в камине с чеканной бронзовой решёткой и такими же дверцами почти догорели. Остывающие остатки поленьев и угли время от времени расцветиваются пробегающими по ним дорожками яркого огня глубоко синего цвета. В мягких креслах, отделённых друг от друга низким курительным столиком с огромной тропической раковинной, используемой вместо пепельницы, сидят два человека. В то время как один из них, это, видимо, хозяин квартиры, неспешно докуривает сигару, другой смакует маленькую рюмку зелёного густого и сладкого напитка. Очевидно, это ликёр, бенедектин, или шартрез. Здесь же на столе, рядом с кофейником, маленькие чашечки с кофе, носящие на себе рисунок французских королевских лилий и бутылка ликёра. Коробка сигар довершает натюрморт. Да, и ещё на столе рядом с сигарами стоит маленькая, золотого цвета гильотина для обрезания кончиков сигар перед их употреблением. Хозяин дома одет в тяжёлый шёлковый халат поверх визитки и серых брюк в полосу, на госте форменный сюртук министерства юстиции со знаками различия действительного статского советника. Правда на ногах у обоих простые домашние туфли-шлёпан-

цы, что явно говорит о приятельских, если, не семейных отношениях этой пары. И действительно! Впервые за долгое время встретились два родных брата, один из которых является довольно преуспевающим адвокатом в столице, а второй, служа государю по ведомству министерства юстиции, занимается проблемами борьбы с уголовной преступностью в Первопрестольной. Именно сейчас и прибыл он в столицу по приглашению самого министра юстиции, в целях возглавить департамент сыскной полиции Санкт-Петербурга. Идёт оживлённый обмен мнениями. Братья давно не виделись, и им есть о чём поговорить. Скажи, Алёша, как тебе показался наш первый министр? В светском обществе Санкт-Петербурга, да и при дворе, его не особенно уважают. Ретроград. Самодур. Прямо крепостник какой-то! Ну, разве можно проводить хозяйственные реформы при сохранении оплота ветхозаветных идей? Я имею ввиду царское самодержавие. Согласись, идеи свободы, равенства и братства никак не сочетаются с полицейским, всё подавляющим государством. Как юрист я хорошо понимаю, законы должны быть. Но их направленность, их объект приложения определяет, какой именно общественный строй является господствующим? На стороне кого стоит закон? Кому он служит и чьи интересы защищает? И от такого человека ты принимаешь орден Святаго Владимира! Как поощрение за верную службу тому самому государству, которое и является грубейшим нарушителем общественного договора. Того самого до-

говора между народом и властью о котором писал Жан-Жак Руссо! В эпоху революционных бурь свершений и волнений, когда всем в обществе ясно, что нас ждёт, ты не только не отзываешься на передовые идеи, но и продолжаешь активно карать несчастных, обречённых властью и строем на совершение преступлений. Да! Люди совершают преступные деяния. На это их толкает голод и нужда, отсутствие образования и полная невозможность учёбы и просвещения. «Пусть сильнее грянет буря!» С этим совершенно невозможно не согласиться! Только революция принесёт нам очистительный сладостный ветер перемен. Просвещённое общество! Эстеты и учёные возглавят социальное движение к переменам, Россия войдёт в стан стран цивилизованного, я подчёркиваю, цивилизованного человечества. Эка каша у тебя в голове, – отвечал штатский генерал, – Константин! Ну что ты можешь сказать плохое о Петре Аркадьевиче Столыпине? Семьянин. Многодетный отец. Блестяще образованный и чрезвычайно эрудированный специалист. Его идеи, рассчитанные на десятилетия вперёд, не только позволяют России стать одной из первых, среди других стран по уровню экономического развития, но и дают возможность перераспределить население. Из переполненной народом и страдающей от безземелья средней части России насытить пространства Сибири и Дальнего Востока! Вместе с этим поднять до уровня зажиточного крестьянина миллионы малых сих, ныне часто прозябающих в нищете. Да! Горд. Крут. Но ты же знаешь, рус-

ские люди обычно говорят «взялся за гуж, не говори, что не дюж. Пищи, да тащи!» Как та собака в колесе, и не хочет, а бежит! Это же вы, интеллигенты столичные, побросали в народ слова, а там их сдуру и подобрали. Столыпинские именные галстуки. Столыпин-вешатель. Столыпинский вагон. Ох, и горазды иные писаки русские и европейские борзо врать. Да, повесили несколько сот убийц. Варваров. Извергов в нашем роду человеческом. А ты что предлагаешь? Убивец в солдат, да полицейских стрелял, а ему награду государственную выдать? Петлю ему по делам его греховным! И тем спасти тысячи тех, кто на неистовство такое смотрит, да может и пример взять. Ты никогда не видел, как идёт толпа, та самая «сволочь» по-старорусски, и убивает всех, кто на них не похож? Одет не так, или нос длинный, а волосы чёрные. Стариков, старух и детей малых. А какого цвета флаги у них, убиваемым без разницы. Революция! Ах, ты, фу, ты, ну, ты! В парламент приди, большинство завоюй, идеи свои гнусные обоснуй, народ ими увлеку. И тогда принимай законы, которые считаешь для всего общества правильными. А вы? Живёте среди роскоши, гонорары ни в какое сравнение с нашими окладами жалованья, и всё не так? Ты оглянись вокруг! Кто тебе ближе посмотри. Вот дом, где ты живёшь, а вот казарма фабричная. Та, где только что пришедшие из деревень, новые рабочие обретаются. Им цена пятачок за пучок, делать ничего ещё не умеют. А вот уже токарь, слесарь какой-нибудь. Мастеровой человек. Глядишь, и до-

мик свой, и жена не работает, и детей штук шесть, все в школу ходят. Прошло время, один-два и университеты закончат. Слава Богу, пойдут в путь, для них новый. Без слёз, угроз и крови! А теперь реши, если кто-то призовёт тех самых, в казармах обретающихся, не ждать от мастерства по деньгам повышения, а отобрать у мастеровитых и таких как ты и я жильё и имущество, пойдут за этим человеком сотни тысяч? Пойдут, да что там пойдут, побегут! Да не дай Господи война, как прошедшая, Японская. Вот объявят вас и нас угнетателями, что делать будешь, кому жаловаться? Царя-батюшку нашего свергнем, самодержавие вам плохо! А кто на смену придёт? Думаешь, такие как ты? Нет, братец. Ты зверя если пробудишь, всех сожрёт. Помнишь Пушкина? Нет ничего страшнее русского бунта, бессмысленного и беспощадного. И правильно англичане говорят: Не будите спящую собаку! Землю крестьянам Пётр Аркадьевич и так отдаёт, ссуды разные, семена, скот племенной. У кого руки из правильного места растут, тот устроится и богатеть будет, а шлёндари да лентяи, те и на старом, и на новом месте бедствовать будут. Пропьют всё, а потом? И опять шепнёт кто, грабью богатых награбленное. Твой соседусшко, мироед, твоё доброе захапал. Отбирай у крестьян богатеньких своё! Пойдёт на слова такие гольтепа деревенская? Ещё как радостно пойдёт. Вот и нет Руси-матушки, на просторах только волки воют! Я во время беспорядков и смуты декабрьских в пятом году в Первопрестольной был, как ты знаешь. Нагляделся! Пока

одни стреляют и баррикады сооружают, другие личности городских бьют, иногда и до смерти. На казаков нападают. Даже солдат на солдат натравливают. А что делать в городе, где власть пошатнулась, а на полицию и сыск рассчитывать нельзя? Да грабить всё подряд! И «деловые», мы так воров называем, пошли на дела свои грязные. Прохожих обирают, лавки ювелирные среди бела дня берут. В банках шниферы сейфы как семечки колют. Сразу все политическими стали. Задержим кого, не тронь. Социалисты-революционеры экспроприируют экспроприаторов! Или, там, эс-деки! Все они одним мирром из летнего сортира мазаны! Как говорится, по пастырю и елей! Ты, Алёша, брат мой, совершенно ожесточился. Разве нельзя нам сочетать разумное и справедливое управление в демократической республике? Считаешь, что без сатрапа нашего всё развалиться? А как же, скажем, Франция? Или такие просвещённые монархии, как Лондона, Льежа, Амстердама и Берлина? Константин! Ты глаза свои протри и открой! Европа и Соединённые штаты мечтают из страны нашей колонию свою сделать. Сейчас поражение от Японии! Да какое там поражение. Мы армию свою основную на Восток Дальний не переправили, войну, по-настоящему, не вели, а нас просто толкают к заключению мира, для нас не выгодного. Ты думаешь, если смута и бунт в России начнутся, Европа в стороне останется? Поступит по евангелию, мол, падающего не пихай? Так пихнут, только брызги кровавые полетят. Ни Россия самодержавная, ни

Россия республика, если она сильна, на Западе не нужна никому. Одно только средство общения с волками этими есть. Принцип. Боятся, значит уважают, союзников у России только два – армия наша и флот! Эти не подведут! А смуту и бунт можно замутить не только в России. Первая-то буржуазная революция где была? Правильно, в Голландии. А Великая? Точно так. Во Франции. Может следующая Великая в Берлине будет? Чем чёрт не шутит? А мимо нас бог пронесёт. Вот чудо было бы! И у них отребья всякого достаточно. Санкюлотов современных! Да эсеров и анархистов! Только верится в это плохо. Опять чёрт какой на нас смуту, да гиль нанесёт. Ладно, Алёша! Время позднее. Пора и баиньки! Надеюсь, у меня сегодня заночуешь? Ну, если ты не против, остаюсь. Не в гостиницу же сейчас ехать! На следующий день, уже после приёма в Министерстве Юстиции, Его высоко превосходительство, Действительный статский советник и кавалер Алексей Захарьевич Кошкин приступил к исполнению возложенных на него по Высочайшему указу обязанностей полицмейстера столичного города Санкт-Петербурга!

А начиналось всё это так. Весна 1898 года была в полном разгаре. Как-то внезапно по улицам потекли потоки талой воды. Дворники не успевали чистить улицы. Скребки ссыпали на проезжую часть рыхлый снег, освобождая тротуары для пешеходов. Днём звонко пели птицы, радостно звенела капель. Прохожие с опаской косились на карнизы домов, откуда в любой момент

мог съехать пласт талого снега, а то и чистый лёд. Огромные сосульки всеми цветами радуги сверкали в лучах яркого апрельского солнца. Небо было высоким и синим. Явственно пригревало солнце. Но это днём, а холодной ночью матушка-зима, вовсе не желая отступить, замораживала лужи и лужицы, превращая проезжую часть и тротуары в голый лёд. Будущий выпускник Николаевского юнкерского училища фельдфебель Алексей Кошкин сегодня был в прекрасном настроении. По результатам обучения выходил он в пятёрку лучших среди сотоварищей, а это означало, фельдфебель и помощник командира роты Кошкин мог выбирать, практически, любое место службы на территории Российской империи. Извещённый об этом отец советовал выбрать гвардейский Семёновский полк. Он сам проходил там службу, так что ручался, полк его примет, согласие офицеров гвардейского полка на приём в свою среду новых офицеров было неизменным условием для прохождения службы. Ну, и обязательно учитывалось как знатность дворянского рода претендента, так и его репутация и результаты учёбы! Однако, у Алексея были серьёзные собственные возражения. В глубине души совершенно не желал он продолжения карьеры военной. Брат его, Константин, учился в Санкт-Петербургском университете на факультете правоведения, и многие его рассказы, связанные с юридической практикой, запали в душу будущего храброго офицера. Так что уже ушел

по команде рапорт его с просьбой на Высочайшее имя о направлении будущего выпускника и офицера в департамент сыскной полиции на должность инспектора. И вскоре, когда перед строем на плацу Николаевского кавалерийского училища зачитывался высочайший указ о присвоении офицерских званий выпускникам, подпоручик Кошкин узнал о полном удовлетворении просьбы его и направлении после выпуска для прохождения службы в распоряжение Департамента сыскной полиции города Рига! Титулярный советник Кошкин начал прохождение службы со встречи с директором департамента. Обрусевший прибалтийский немец Конрад Карлович Грубер имел звание статского советника и репутацию строгого, но справедливого службиста. Причём службиста не чуждого новых научных открытий в области криминалистической науки. Так при нём начал действовать антропометрический кабинет, где задержанные подвергались тщательным измерениям по определённой системе, что позволяло улучшить их опознание при дальнейших приводах и задержаниях! Широко применялось фотографирование. Знакомый с теорией Ломброзо статский советник Грубер охотно описывал различные типы преступников с точки зрения этого автора. Были и редкие специалисты по созданию, так называемых скетчей, художники-моменталисты, умеющие мгновенно набросать портрет любого человека, доставленного сыщиками в сыскное

отделение полиции. Департамент располагал тремя сыскными отделениями. Одно обслуживало курортное побережье. Все эти Юрмалы, Майори и Дзинтари. Место отдыха чистой публики. Второе боролось с преступностью в собственно городе, а Рига город не малый, со своим историческим центром, соборной площадью и Домским собором, старинными купеческими очень старыми домами, погребками и огромными доходными домищами. А также и рабочие окраины, где вперемешку строились как дома собственников на одну, две семьи, так и рабочие казармы, населённые вчерашними крестьянами, а ныне работниками механических мастерских, депо, складов и пакгаузов Рижского рынка, грузчиков порта и иже с ними! Самым главным местом, городской клоакой, пристанищем уголовных элементов и низов городского общества, был рижский порт. Широкая и полноводная Даугава позволяла швартоваться и огромным морским судами, и судам каботажного плавания. Здесь же размещались ремонтные доки, цеха морского завода, пакгаузы, склады для хранения и перевалки товаров. Жизнь в этом месте Риги не замирала ни на минуту. Никакого отделения полиции не хватало. Ничто не могло пресечь преступной деятельности местных обитателей. Здесь вполне мирно уживались воры латышские и русские «Иваны». Немецкие воровские сообщества соседствовали с контрабандистами Скандинавии. Существование этого гадюшника постоянно

сопровождалось потоком преступлений, смывающих основы правопорядка, самых разных по-форме и гнусных по- содержанию. Убийствами, ограблениями, воровством со складов и пакгаузов здесь было не возможно кого-либо удивить. Ну, и, конечно, огромный поток контрабанды просто захлёстывал порт. Французские вина и коньяки, необандероленные сигары и трубочный табак, ром с Ямайки и китайские шелка. Бразильский кофе и пряности Аравии. Товарооборот нелегальной торговли в разы превышал официальный. Вот для борьбы с этим многоглавым змеем и было создано специальное сыскное отделение! Ваше высоко благородие, – произнёс Алексей! Титулярный советник Кошкин представляется Вам по случаю своего вступления в должность. Рад служить под вашим руководством. Разрешите представить мои сопроводительные документы. Наслышан, наслышан, батенька, – прозвучало в ответ. Прошу, прошу вас садиться. Мы здесь люди штатские, так что по-простому. Вам, наверное, сперва трудно будет отвыкнуть, но сыскная полиция, собственно говоря, не армия. Так что попрошу без чинов. Только по имени, отчеству. Так и обращайтесь – Конрад Карлович! Да-с! Благодарю, – всё ещё строго по уставу отвечал Алексей. Дело для меня действительно новое и очень на первый взгляд сложное. Кадет. Юнкер. Столько лет всё по-военному. Придётся привыкать костюм штатский носить, и режим жизни и привычки многие

изменить. Уважаемый, Конрад Карлович. Может вы насчёт места проживания посоветуете. Я пока в гостинице разместился. Вы, наверное, знаете, «Балтия». На улице Суворова. Да, знаю. Место хорошее. Да вот, дороговато. Так что я бы вам порекомендовал переехать в один из домов в центре Риги. Можно снять приличную квартиру за небольшие деньги. Вы потом посмотрите объявления в газете «Вечерняя Рига», их полно. Имею вам сообщить следующее. Ближайшие две недели вы проведёте в нашем департаменте с целью ознакомления с азами работы. Я вас прикреплю к коллежскому асессору Ванюшину Павлу Ивановичу. У нас в Департаменте отвечает он за работу с агентурой в масштабах города, да курирует отделения сыскной полиции по оперативно-розыскной работе. Очень опытный и трудолюбивый чиновник, отменной души человек. Конечно, за две недели, как и за год никакого особого опыта не приобретёшь. Тут речь о годах службы, но навыки Вы получите. Будет от чего оттолкнуться. И вот что ещё! Широко рекомендую почитать служебные инструкции, Уложения, да и законы империи нашей российской посмотреть. Выучить бы основное наизусть не плохо. Так что жизнь Вас ждёт непростая, загруженная, работы – край непочатый! Удачи я в делах от всей души Вам желаю, май либер юнге фройнд! Если вопросов нет, можете идти, Павел Иванович извещён и ждёт! Прошу вечером ко мне, отобедать. Следующие две недели пролетели

объёмно и стремительно, было получено такое количество новых впечатлений, увидено столько отвратительных лиц, сколько не получал и не видел новый служащий сысского департамента за всю предыдущую жизнь. Состоялся и переезд из гостиницы на новую, съёмную, очень приличную квартиру, расположенную в одном из переулков за Домским собором, а знакомство с дочерью начальника сысского департамента, милой хохотушкой Варенькой, приятно грело сердце и обещало некое продолжение впереди. Кстати, вечерний обед запомнился и тем, что присутствовали все начальники отделений и их заместители. Приятное сочеталось с полезным. За столом блистали и жёны чиновников, а истинной душой салона, его феей, была восемнадцатилетняя дочь Конрада Карловича. Так мило играть на фортепьяно, так петь! Вот уж действительно «гений чудной красоты». Хвала бессмертной русской поэзии, совершенно точное определение. Ну, а коллежский асессор Ванюшин, с которым познакомился в первый же день Алексей, оказался человеком мало похожим на грозу воров и бандитов! Среднего роста плотный человек с рыжими нафабранными усами, одетый в костюм-тройку серого цвета, туфли с гамашами и шляпу-канотье, напоминал скорее преуспевающего импрессарио, или средней руки коммивояжёра, чем сотрудника сыска. После короткой экскурсии по всему зданию Сысского департамента, выдачи новому чиновнику

оружия, личного знака и служебного удостоверения, Павел Иванович коротко рассказал об оперативной обстановке в Риге и её окрестностях. Картина была впечатляющая и вовсе не радующая. Шквал преступлений грозил захлестнуть всю инфраструктуру сыскной полиции. Многоголовая гидра преступности полностью подтверждала свою мифологическую основу. Многочисленные аресты не приводили к успехам. Шедшая в тенета закона мелкая рыба вовсе не облегчала положение. Надо было брать вожаков. Внедряться в национальные объединения. Пока же получалась стрельба по воровским воробьям из орудий крупного калибра. И с тем же эффектом. Как и настоящие птичьи стаи, преступники просто меняли места проживания, или отсидев мизерные сроки, возвращались к прежним доходным ремёслам. Именно такую картину нарисовал новому сотруднику опытный сыскарь Павел Иванович Ванюшин. А тут ещё местные латышские националисты, ратующие за отделение от Российской империи, анархисты, пытающиеся решить проблемы анархо-синдикалистского движения с помощью бомб и маузеров, остатки народников «к топору зовущие Русь». Не мало было местных еврейских националистов - революционеров, «бундовцев», стоявших на платформе, причудливо сочетающей марксистское учение и чисто национальные мечты о Сионе. Требовалось, и ещё как требовалось, постоянное и тесное сотрудничество с коллегами

из местного состава жандармского отделения. Постоянной угрозой в городе были социалисты-революционеры, своим крайним составом прямо смыкавшиеся с террористами-бомбистами анархистов. Близость Европы, морской порт с его возможностями контрабанды оружия, взрывчатки и прокламативного материала, несомненно ухудшали положение, подпитывая и без того взрывоопасную среду. Вновь испечённый титулярный советник с головой окунулся в работу. Уже через неделю руководству стало ясно. В лице нового сыскного чиновника департамент получил чрезвычайно работоспособного и продуктивного сотрудника, о чем и было доложено статскому советнику Конраду Карловичу Груберу. Ванюшин, описывая Алексея Кошкина, не избёг массы похвальных выражений, и было от чего придти в восторг. Оказалось, титулярный советник не плохо знаком с уголовным законодательством, изучал в объёме университета судебное делопроизводство. Не зря за счёт личного времени проводил время на лекциях знаменитых московских профессоров права будущей сыщик. Да ещё в один из первых же дней службы, будучи в затрапезном кабаке в районе порта, Алексей не только сумел обезвредить напавшего на них уголовного «Ивана», но и уложил его первым же ударом. Время, проведённое на занятиях джиу-джитсу, физические упражнения развивающие силу и первое место по эспадрону среди своего выпуска чего-то, да

стоили! Уже в помещении департамента, доставленный туда уголовный авторитет попросил показать ему человека, сумевшего легко с ним справиться. Ванюшин не преминул использовать встречу для завязывания полезных знакомств в среде русского воровского мира. Как вы знаете, «Иван» вовсе не было именем. Это был воровской ранг самой высокой пробы. «Иваны» были организаторами жестоких и дерзких преступлений. Вожаками преступных группировок. За многими из них числилось по несколько сроков, в том числе и каторжных. Часть этой верхушки низов общества вообще находилась на нелегальном положении после побегов из тюрем и каторги. Отличительным знаком «Ивана», как воровского авторитета, была белая, заправленная в брюки рубаха с вышитыми по разрезу спереди красными «петушками». Хромовые сапоги со скрипом, да вечный финский нож за их отворотом дополняли картину. После первого допроса и проверки по картотеке было установлено: Задержан Фролов Марьян Иванович, из крестьян, 1856 года рождения, уроженец города Мстиславля Могилёвской губернии, ранее неоднократно судим. Находится в розыске по случаю побега из под стражи, совершенного в прошлом, 1897 году в городе Нарва. Четырежды судим за разбойные нападения, последний раз за контрабанду. Поговорите с ним, Алёша! – предложил Ванюшин. Попробуйте войти в контакт. Такие волки уважают грубую силу, а вы, по всему видно, не просто

поразили, ошеломили ворюгу. Ваша задача расположить его к себе. Не стесняйтесь, обещайте и уговаривайте. Иногда полезнее забыть вину одного мерзавца, но с его помощью избавить общество от многих паразитов. Не расслабляйтесь. Волчина этот Фролов тот ещё. Может и напасть внезапно. А вы, милостивый государь, используйте тактику кнута и пряника. Я вот приказал заковать скотину в ручные и ножные кандалы, да пить не давать, да покормить селёдкой. Думаю, к беседе с более мягким человеком будет он готов. Спуститесь в подвальное помещений, там у нас камеры предварительного заключения, и приступайте. Я буду наблюдать и слышать всё. Маленькое зеркало, расположенное над самой умывальной раковиной, двойное, позволяет обозревать комнату допроса. Через несколько минут, спустившись в подвал и зайдя в специальное помещение, Алексей увидел не только стоящего между двух дюжих городских могучего мужика среднего возраста, но и обратил внимание на его внешне нелепую позу. Пропущенная через ручные и ножные кандалы тонкая цепь не позволяла узнику разогнуться. Кольцо на шее, рот был покрыт следами покусов и обмётан. Однако чувствовалось, никакой покорности судьбе и своему нынешнему положению ждать от данного индивидуума скорее всего не следует. Вероятнее, это была стальная пружина, напряженная, только ожидающая своей минуты. И явно не хотелось попадать под её возможное стремительное

движение. В учебном курсе юнкерского училища были такие дисциплины, которые могли помочь в предстоящем действии. Так, будущих офицеров учили тактике допроса возможного, взятого в плен, противника. В том числе и методами достаточно жёсткого воздействия. Но и мягкая манера допроса вполне даже допускалась. Приказав одному из городских снять весь кандалный наряд, Алексей уселся рядом с допрашиваемым на свободный стул. Причём, если со стороны он казался расслабленным и спокойным, внутренне был вполне готов к возможному отпору. Стул его стоял с правой стороны собеседника, немного сбоку и позади привинченной к полу табуретки. Заранее узнав, что преступник не левша, сыскной работник обезопасил себя от удара правой рукой возможного противника. Пить хочешь, – спросил Алексей? Принесите нам чаю, – последовал приказ одному из городских. Намеренно идя на обострение, сыщик тут же отправил из допросной второго, якобы, за материалами дела. Как только в камере их осталось двое, Фролов взмыл в воздух, его могучие руки схватили в мощные объятия то место, где должен был находиться полицейский чиновник. Не тут-то было. Всё предприятие оказалось напрасным, а в следующее мгновение распластавшись в воздухе огромное тело с грохотом обрушилось на пол. Захватив через ногу одну из рук и взяв её на изгиб, Алексей достаточно сильно согнул в обратном направлении кисть противника. Раздался рёв

боли. Верись, что я сейчас совсем сломаю, – услышал допрашиваемый? Ох! Верю! Отпустите, Ваше высоко благородие. Смирно себя вести буду. Черт меня попутал. Уж больно натерпелся я в кандалах. На шум и грохот в камеру ворвались городовые, но в их помощи уже не было необходимости. Сыщик и преступник мирно беседовали, сидя каждый на своём месте. Лишь разлетевшийся вдребезги стол для записи допросов, да чернильное пятно на полу могли бы поведать о происшествии. Принесённый чай с явным уважением был принят и жадно выпит. Беседа шла гладко. Алексей хорошо понимал, воровского «Ивана» склонить на сотрудничество было невероятно трудно, практически, не возможно. Но ведь и результат мог стать огромной победой, незаметно стал возникать психологический контакт. Ты, ваше благородие, – начал Иван, растолкуй мне, как сумел со мной справиться? Я ведь до того как в вору подался, грузчиком в Нарве был, один в дома рояли и пианины доставлял. Рояль поднять, это не ложку. Значится, есть силушка. А ты меня вот так вот, как мальчика какого. До сих пор поверить не могу. И там, в кабаке, и здесь вот. Не иначе, колдун какой тебя заговорил. На силу! Мы в такие дела очень даже верим. Да как тебе сказать, – послышался ответ. Просто я уже много лет упражнения специальные делаю, силу развиваю. Потом, я не пью и не курю. Тоже помогает. Наука такая есть, японцы изобрели. Учат они, как силе чужой свою

силу противопоставить, да как чужую силу в интересах своих использовать. Ну, мы сейчас не об этом говорить должны. Про дела твои скорбные, про срока и каторги, да про побег – вот о чём нам толковать должно. Беседа затянулась до утра, в основе её была мысль, а так ли, уж, нужны нам, людям русским, поляки, чухна неумытая, немцы с латышами и прочая заграничная шушера? Провокация – мать русского сыска. На ней он стоял, стоит и стоять будет! Нельзя забывать мудрость древних и сильных: «Дивиде ет импере»! «Разделяй и властвуй!» В ту ночь сделал свой первый чрезвычайно важный шаг на стезе борьбы с уголовной преступностью титулярный советник Кошкин! Через десять дней ему было предложено занять должность чиновника по особым поручениям при руководителе Департамента сыска полиции, а воровской авторитет Фролов, пусть и в устной форме, согласился на сотрудничество с конкретным представителем полиции, неким Алексеем Кошкиным. Прошло три года. Много воды утекло в полноводной Даугаве. Коллежский секретар, бывший чиновник по особым поручениям, а ныне глава припортового сыска отделения, Алексей Захарьевич Кошкин находился в одном из номеров гостиницы «Пале-Рояль». Обстановка номера была скромной, но располагающей к дружеской беседе. Диван у стены, овальный стол со скатертью с кистями по бахроме, четыре полумягких кресла, буфет с набором посуды и запасом

спиртного. Именно здесь располагалась служебная квартира для встречи сотрудников сыска с агентурой. Приличные люди в хорошей одежде проходили со стороны двора, попадая сначала на лестницу, а уж с неё именно в этот самый номер. Существовал и второй выход, позволявший избегать не нужных, часто опасных встреч. Владельцем гостиницы пару лет назад стал бывший крутой воровской авторитет, ныне купец третьей гильдии, некто Фролов Марьян Иванович, выходец из крестьянского сословия, трудами своими проложивший себе дорогу вверх по ступеням тогдашнего российского общества. Оборотистый человек, умеющий, как в народе говорится, копейку на ребро ставить, хозяин гостиницы, с явным трудом умеющий писать и читать, считал великолепно. Пригодились и средства, которые оказывается вовсе не пропивались на воровских малинах с марухами, а тщательно собирались и откладывались. Когда с помощью сыскного отделения Марьяну удалось не только избежать уголовного наказания за последнее преступление и побег, но и получить полное оправдание по суду, перспективы перед ним открылись просто великолепные. У него были люди везде. Так как никто в воровском мире не знал о тайном сотрудничестве с полицией, авторитет его оставался среди верхушки воров на должной высоте, про воровских «шестёрок» и прочую шуштуру и говорить не приходилось. Сыскными был пущен слух о переходе Марьяна из категории воров

в разряд крупных скупщиков краденого и хранителей воровских денег -майданщиков, его легальный статус среди воров получил полное подтверждение, а слухи о крупной взятке, данной через адвоката судейским и прокурорским, вообще подняли его авторитет на недостижимую высоту. Дошло до того, что другие «Иваны» начали сдавать ему на хранение и последующую продажу вещи, добытые при разбоях, кражах и налётах! Надо ли говорить, такого рода информатора сыскные засекретили до полной невозможности расшифровки. О его истинном лице знали начальник Департамента и сыщик, на связи у которого был агент – коллежский секретарь Кошкин! Прикупив несколько трактиров и эту вот гостиницу, не брезговал бывший вор взятием подрядов на извоз, охраной через своё охранное агентство складов и лабазов купцов. Охранная структура «Око за око» была известна в городе тем, что взяв очень даже не малые деньги за свои услуги, практически, представляла полную гарантию сохранности материальных ценностей. Ну, какой дурак в городе Риге рискнёт совершать кражи со складов, помеченных яркой вывеской, с изображением глаза и надписью на русском и немецком языках «С нами бог»? А если случался залётный покуситель, то, очень даже просто, на другой день он мог всплыть в канале, или в реке Даугаве. Воры города понимали, на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, свой затевай! И согласуй свои действия с другими, кто постарше тебя и поопытнее.

Да не забудь после часть доходов своих несправедливых передать кому надо на дела богоугодные. А потом дыши ровно. Никто тебя не только не тронет, при необходимости, спасут и помогут! И спасали, и помогали. До известных пределов! Вечер, абажур настольной лампы отбрасывал яркий круг на стол с открытой бутылкой шустовской «Рябины на коньяке», напитке очень даже притягательном. Вечер вступал в свои права. За задёрнутыми занавесками сгущались сумерки. Сумерничали сейчас двое. Бородатый мужчина, одетый в поддёвку, брюки, заправленные в сапоги и ситцевую рубаху, огромного роста, атлетического сложения, и городской щёголь с франтоватыми усиками, бородкой «а ля Наполеон Третий», в чёрном сюртуке, черных брюках и лакированных дорогих штиблетах. Крахмальная сорочка, бриллиантовые запонки и заколка для галстука выдавали положение в обществе незнакомца. Речь шла о досадных, скажем прямо, из ряда вон, происшествий, приключившихся в последнее время. Охранное агентство могло потерять свою безупречную репутацию. Уже три раза взятые под охрану объекты подвергались целенаправленным нападениям, и от налётов этих попахивало некоторым не разъяснимым душком, не свойственной преступному миру организованностью и удачливостью. Две недели назад, перед самым днём раздачи заработной платы в механических мастерских порта, был произведён налёт на помещение кассы. Днём, совершенно в открытую,

вошли преступники, наряженные в форму городских и полицейским офицером. Там они легально арестовали двух кассиров, составили протокол изъятия и забрали, якобы на экспертизу, деньги в сумме 56 тысяч рублей, объявив их фальшивыми. Позднее, кассиры были обнаружены убитыми в районе рижского пригорода Майори. Затем вечером в помещение типографии ворвалась группа полицейских и, предъявив документы на обыск и выемку, экспроприировала весь типографский шрифт, денежную кассу и несколько пишущих машинок русского шрифта, но американской фирмы «Ундервуд», изделия новейшего и чрезвычайно дорогостоящего. После чего налётчики просто растворились среди узких улочек старой Риги. А последнее событие было уже верхом цинизма. Городской ломбард, долю в котором имел и Фролов, отличное место по отмыванию денег и продаже краденого, также подвергся налёту. Среди бела дня, на нескольких фаэтонах к помещению ломбарда подъехала группа чинов сыскной полиции. Предъявив документы на обыск, эти люди сразу прошли в помещение, где хранились сданные в залог драгоценности, потребовали открыть все сейфы и, объявив ценности ворованными, упаковали и вывезли товар. При этом, ни спешки, ни страха. Было такое ощущение, акции готовились профессионалами и проводились ими же! Вот это и послужило предметом экстренной встречи сыщика и его старого доверенного. Марьян, неспешно потягивая рябиновку, сокрушённо

говорил: Я тут поднял на ноги всех. Сход даже собрал. Такого никогда не было. Ни один вор не знает, кто покусился на мою деловую честь. Каждой «шестёрке» известно, ежели сявка какая покусится на моё на доброе, бритвой по горлу и в реку. Это я так. Для лучшего примера, Алексей Захарыч! Я пока и на руку не жалуясь. Как в песне про «Коробейника» сказано», мол, я молчу, молчу, а заеду, так наплачешься. Разом вязы сворочу! По совету Вашему прочитал я недавно, издание господина Сытина. Книжка-копейка! Хорошо-то как Некрас этот пишет, и откуда слова такие берёт? Отвлёкся я опять, извиняйте. Так что проверил я сам, да и паханы наши говорят. Нет! Не их работа. Залётные какие, по всему судя, не блатные они. Никак не организовать такие налёты с мордами нашими. Не воры здесь в деле были, немчура мутит, либо политические! Сицилисты! Вы мне о них давеча рассказывали. Как в городах ряженными эксприпроятиции проводят. Извиняйте, слова такого поганого выговорить не могу. Наши «Иваны», да майданщики сами говорят, поймаем, ноги, извиняюсь, из зада выдернем и спички вставим. В городе сейчас вздохнуть нельзя. Ваши шебуршат, всех подряд дыбом ставят. Да жандармские бушуют. Почитай кажин день облавы в порту, да на рынках. Все ночлежки пустуют, рвань наша, голь перемётная з города бегит. Паны быются, у холопов чубы трещат! А ведь с постояльцев-то этих тоже копейка какая текла. Да и по найму стало трудно

нанять. Пришлых мало, местных работать не заставишь, одно слово, нашим людям край приходит. Что делать то, Ваше благородие? Ты, Марьян, тоже давай думай, чего буровишь! – послышалось в ответ. Мы с тобой люди законопослушные. Если в городе стоит тишь, да гладь – всем хорошо. Так ведь, Ваше благородие! Это и на кладбище тишь и гладь. Толку нам с того что? Я вот тут подумал, с людьми посоветовался, мы и порешили. По всем гостиницам, постоялым дворам и домам странноприимным людишек наших по делу этому пустить. Пускай поищут, понюхают,, кто там из новых появился, да богатеет на глазах. В порту через грузчиков, да обслугу тамошнюю тоже народишко через гребень пропустить. Должны мы вражин найти. А вы, Алексей Константиныч, среди благородных пошуруйте. Сдаётся мне, евреи или немчура баловать могут. А у нас к ним никаких подходов нет, сами знаете, латыши, немцы, да поляки с литовцами, как и евреи, своими общинами живут. И церква свои, и рестораны, и места проживания. Тут я никак вам не помощник. Ладно, Марьян Иваныч, -послышалось в ответ. Время позднее, пора и честь знать. Пойду. Одев пальто и черную велюровую шляпу сыщик покинул гостеприимную гостиницу и углубился в извилистые узкие переулки старой Риги. Сегодня его ждала ещё одна встреча! Публичный дом «Дзинтарис» в Дубултах был широко известен, правда, узкому кругу лиц. Его посещали молодые рижские повесы, гости Балтийского

побережья из двух столиц, да прибывающие в Ригу торговцы и капитаны со всего мира. Стоящий в глубине густого липового леса трёхэтажный особняк прекрасно подходил для этих целей. Высокий каменный забор с густыми вкраплениями битого бутылочного стекла поверху, проходная с могучим вахтёром, вооруженным не только специальной стальной дубинкой, но и шестизарядным Веблей-Скоттом, всё способствовало сохранению инкогнито гостей и невозможности их ухода без оплаты. Главой заведения и его единственной хозяйком была фрау Эмма Фредерика Бюхер. Почтенная матрона со строго пуританской внешностью. Чего стоил один монокль на шнурке, платье чуть ли не начала века. Зачёсанные назад гладкие волосы, собранные на затылке в пучок, дополняли картину. Кто бы мог подумать на неё глядя, что сия почтенная женщина прошла кварталы красных фонарей в германских Киле и Гамбурге, довольно долго поработала на выезде в немецком Мемеле, и лишь потом основала своё увеселительное заведение в русской Латвии, именуемой Латгалией. Здесь на побережье, вблизи от Кёнигсберга, Мемеля, вообще, Восточной Пруссии, вольготно себя чувствовали пришельцы из не так давно собранных железным канцлером Бисмарком в единое целое германских государств. Надо иметь свой глаз на местах возможного появления международных преступных элементов. Именно сейчас на экипаже сыскного отделения,

имеющим внешне все атрибуты извозчичьей пролётки, направлялся для встречи с агентом, работающим под псевдонимом Артур, коллежский советник Кошкин. Остаётся только сообщить то, что составляло глубокую тайну в агентурном деле с грифом «совершенно секретно». Под этим псевдонимом и проходила скромная уроженка Германии, содержательница очень нужного полиции места, фрау Бюхер! Пролётка подъехала к входу во двор. Ничего необычного в позднем ночном визите не было, да и быть не могло. Почтенный господин, проведя вечер и часть ночи в каком-нибудь ресторане с кабаре, вроде пресловутого «Юрас перлас», решил продолжить кутить. Заведение под скромным названием «Янтарь или «Дзинтарис, как раз и помогало тем, кто не знал, как скоротать остаток бурно начатой ночи. К их услугам были доступные девицы, естественно за отдельную плату горячительные напитки и входящий в моду, японский массаж. Часть довольно внушительного дома была оборудована в псевдояпонском стиле. Постучав в закрытое окошко входной двери, гость, дождавшись его открытия и посмотрев внутрь, промолвил: Эрик! Ты что ли? Открывай, – и дверь немедленно распахнулась. Вахтёр, человек средних лет с обликом циркового борца, тихо приветствовал гостя. Об особых отношениях между его нанимательницей и пришедшим господином он, естественно, ничего знать не мог, однако как человек сметливый, давно заметил почтительное

отношение хозяйки именно к этому молодому человеку. Да и на чай после своих визитов гость подавал отменно. Так что причины для хорошего отношения были, и не малые. Ты вот что, братец. На-ка, получи, что с меня причитается, – обратился гость к вознице, с которым приехал. И вот тебе ещё. Сейчас ночь, а утром ты мне очень даже можешь понадобиться. Поезжай по дороге прямо. Там будет трактир с номерами. Покушай чего и выпить можешь, а часам к десяти здесь будь. Держи вот. И передал денежную купюру извозчику. Премного благодарны-с, – послышалось в ответ, а вскоре пролётка скрылась за поворотом дороги. Прошу Вас, Ваше сиятельство, – пригласил страж гостя. Да ты, братец, не вздумай меня как-нибудь Его преподобием окрестить. Какое я Сиятельство? Я не князь и не граф. Лестно, конечно, но, знаешь что Эрик? Называй ты меня так как в твоей стране принято. Герр. Или – по нашему, господин. Господин Кольцов. И простенько, и со вкусом. Гут? Ну, а сейчас, «Гуте нахт майн либер вахтмейстер.» И прибывший отправился по покрытой лунными тенями дорожке, ведущей к дому. Оставшийся в одиночестве страж ворот, закрыв двери, нажал на потайную кнопку новейшего изобретения, и внутри дома, в комнате хозяйки, зазвонил электрический звонок, извещая о прибытии позднего посетителя. Дверь в дом оказалась открытой. Как только ночной гость вошёл в прихожую, стоявшая там девица в костюме японской гейши пригласила

его внутрь помещения. Фрау Бюхер встречала Алексея на лестнице, ведущей на второй этаж. Гость, скинув пальто и шляпу на руки псевдояпонки, подошёл к хозяйке заведения и поздоровался. Разговор шёл на немецком языке. Коллежский секретарь Кошкин с детства, проведённого в отчем доме, свободно говорил на трёх языках: немецком, французском и русском. До самого поступления в кадетский корпус две пожилые бонны, уроженки Прованса и Штирии, говорили на соответствующих языках, которые в силу этого стали почти родными. Правда, был замечен некий акцент, характерный для Юга Франции и Австрии. Но данное обстоятельство не мешало, а только придавало сугубую правдивость любой нужной легенде о месте происхождения сыщика. Естественно, годы, проведённые в корпусе и юнкерском училище, внесли существенный вклад в языковые познания. Пройдемте наверх, -предложила фрау Бюхер. Как обычно: массаж, гейша и отдых. Всё готово. На самом деле, из того номера, куда был помещён гость, шёл прямой ход в апартаменты хозяйки. Обставленная гарнитуром в стиле чиппендейл, гостиная была хороша. А у вас очень уютно, – не преминул заметить Алексей. Как всегда, тишина, чистота и порядок. На русский взгляд, так даже чересчур. Время у меня ограниченное, так что я начну без преамбулы. Ну, без предисловия что-ли. Уважаемая, Эмма Фёдоровна! Не случилось ли в последнее время чего-нибудь такого, что привлекло ваше внимание

своей необычностью? Фрау Бюхер задумалась, не переставая разливать по тонким фарфоровым чашечкам кофе, ставя на стол вазочки с конфетами, пирожными и печеньем, доставая из буфета бутылку «Рижского чёрного бальзама». Закончив все приготовления, она села в низкое кресло и прихлёбывая маленькими глотками душистый напиток, проговорила: А вы знаете, было. И не только было, но и есть! Поводилась ко мне одна компания ходить, а люди в ней такие разные, очень друг от друга отличаются. Деньгами сорят просто. Вы даже не представляете, весь мой дом снимают на ночь и платят за всё. Девочкам моим то колечко подарят, то брошку какую. На свои, на трудовые жить так широко не будешь. Сегодня от них только двое здесь. Гуляют широко. Зеркала в номере побили, так тут же мне «Катеньку» выложили. Шутка сказать – сто рублей. А как они выглядят, – спросил Алексей. Описание группы явно подходило под приметы грабителей, совершавших дерзкие преступления. Народ всё больше не старь. Один, на вид лет двадцати, в куртке студенческой. Трое в поддёрках приказчиных, да сапогах лаковых. Старь у них один, так в сюртуке ходит А главный чудно одевается. Вроде пана польского. Фрау таких в Германии видела. Наезжали иногда отдохнуть в Гамбург и Киль! Кунтуш бархатный, штаны в обтяжку, сапоги с форсом, да шапка соболиная с пером. Ещё трое и вовсе не европейцы, азиаты какие-то. В костюмах строгих чёрных, шляпах

котелок, обязательно с тросточками. Не простые то вещи. Один раз гость спьяну нажал на что-то, трость на две части раздалась. На клинок и ножны. О, майн гот! Я уже и сама подумывала с вами связаться. Не чистое здесь дело. Всего их будет девять человек. Сейчас здесь студент и который самый старый. Вспомнила. В форме он чиновничьей, а по какому ведомству нельзя понять. Затёртая больно форма. Алексей насторожился. Вариантов было не так уж и много. Брать эту пару сейчас. Но зачем? Что ты им предъявишь? Дождаться утра и проследить? Как это сделать? Если гости соберутся и уедут ранее десяти часов, то он, совершенно лишённый средств передвижения, следить никак не сумеет. Был ещё один вариант, и сыщик на нём остановился. Где они сейчас? -спросил Алексей у хозяйки. Да спят, наверное, в комнатах своих. Вот и очень даже хорошо, – подумалось Алексею. Эмма Фёдоровна! А что если нам с вами так поступить! Утром в холле гостеприимного дома дремал в кресле хорошо одетый молодой господин. У его ног стояла корзина, из которой высовывались одетые в золотую фольгу горлышки бутылок с шампанским. Два ананаса и множество различных тропических фруктов – бананов, апельсинов и винограда – венчали великолепный натюрморт. Вышедшим сюда же ночным гостям стало ясно, бурно проведённая ночь, ожидание транспорта, обычная картина для здешних мест. Около девяти вниз спустились студент и пожилой чиновник.

Выйдя на улицу, за ворота и проходную, они с изумлением обнаружили, заказанный с вечера извозчик вовсе не ожидал их у ворот. Откуда же могли они знать, что данное средство конного передвижения, за значительную сумму было перекуплено отдежурившим Эриком по распоряжению фрау Бюхер! Пришлось возвращаться в холл. Последовали громкие жалобы хозяйке на подлецов извозчиков. Как тут было не обратить внимания на развалившегося в кресле молодого человека. В конце девятнадцатого века о многом приходилось договариваться заранее. В этом месте в Дубултах поймать свободного извозчика в утренние часы было совершенно не реально. Идти пешком? А куда? До собственно Риги лежали немерянные вёрсты и вёрсты. Именно в это время хозяйка пансиона, подойдя к сидящему в глубоком кресле и явно чего то ожидающему посетителю, произнесла: Господин Кольцов! Ваш экипаж должен прибыть вскоре. Не будете ли вы столь любезны и не захватите ли с собой до города вот этих господ? Я могу их рекомендовать вам, как людей очень даже исполнительных и порядочных. Прошу простить меня, иногда все мы должны помогать ближним, попадающим в неловкое или трудное положение. Господа! Позвольте представить вам. Господин Кольцов. Негоциант, оптовый торговец колониальными товарами. Торговая фирма «Кольцов и сын», отделения в Мюнхене, Гонконге, Монтевидео и Перте. Алексей встал с кресла, склонил голову

и произнёс: Рад познакомиться. С кем имею честь? То что его представили в таком амплуа, нисколько не взволновало. Фирма, и фирма крупная, существовала в реальности, но её русское отделение сейчас было в стадии реорганизации. Ну, а что бы проверить владельцев на внешнюю схожесть за границей требовалось не только время, значительные деньги. Ход этот он сам и подсказал Эмме Фредерике, владелице «Дзинтарис». Пожав протянутую руку сыщика пожилой представился отставным статским советником по ведомству Министерства финансов Перфильевым Григорием Пафнутьичем, а студент оказался неким Игрунцевым Евграфом, правда лишь со своих собственных слов, обучающимся в Тартусском Университете третьекурсником по факультету правоведения. Племянник мой, отрекомендовал пожилой молодого. Очень рад, - послышалось в ответ. Буду счастлив оказать вам эту небольшую любезность. Именно в это время в холл вошёл очередной охранник, временно покинувший свой пост у ворот, и произнёс: Извозчик ожидает господина Кольцова! Получив свою полтину на чай, слуга быстро покинул помещение, не преминув прихватить тяжеленную корзину с напитками и красиво уложенными фруктами, стоявшую у ног покидающего этот дворец разврата посетителя! Прошу, господа, – и гости друг за другом оставили помещение. С удовольствием окажу вам помощь при двух маленьких условиях. Сейчас мне необходимо направить телеграмму

о месте и сроке банкета, который я даю по случаю получения подряда на поставки значительного количества пряностей и сушёных фруктов для армии. Нашей фирме удалось встать в ряды тех, кто на постоянной основе способствует снабжению доблестных российских воинов. Тем более, что делать это мы будем отнюдь не на принципах альтруистических, а за очень даже приличные деньги. И второе! Надо заехать в Рижский коммерческий банк, получить кое-что наличными. Сегодня я с группой приказчиков выезжаю вечерним поездом в Туркестан для размещения заказа среди местных торговцев, а эти бестии предпочитают наличные деньги. Лучше всего – золотые червонцы! Да вы без церемоний. Не стесняйтесь, господа, рассаживайтесь. Значит так, братец, – обратился сыщик к сидящему на козлах невозмутимому кучеру. Поезжайка до станции Дубулты, к телеграфу. Да не спи у меня, ракаля. Вчера чуть было не вывернул на бок экипаж, пока сюда добирались. Я сейчас свой фаэтон в ремонт отправил, пока ездить туда-сюда по России буду. Нанял, знаете ли, на постоянной основе вот этого Ваньку-курицу сонную, почти некрасовского, да похоже попал впросак, боюсь, отказываться придётся. Вялый очень, нерасторопный какой-то попался, и с этими словами сел в экипаж, куда ранее поднялись его временные попутчики. Дорога, обсаженная столетними липами с аккуратно побеленными в нижней части стволами, была не тряской. Уставшие после бессонной

ночи гости задремали. Экипаж на резиновых, надуваемых шинах, «дутиках», шёл споро и ровно. Ничто не мешало сну. Алексей, достав свинцовый карандаш, на листе блокнота отписал текст: Уважаемый господин Ванюшин. Прошу организовать банкет в помещении ресторана «Пале-Рояль» на пятнадцать персон. Буду в своём номере около двенадцати. Средства не жалеть. Все траты на проведение окупятся. Ваш. Кольцов. По прибытию к телеграфу, гости пробудились и изъявили желание посмотреть расписание поездов. Пока Кольцов ходил на вокзал отправлять телеграмму, выяснилось, поезд ушёл не так давно. Ждать следующего предстояло около трёх часов. Правда, на этой станции был павильон ожидания с хорошим буфетом, но те, кто провёл достаточно бурную ночь с девочками без сна и со спиртным, хотели нормального отдыха. Поездка была продолжена. Минут через тридцать убаюкивающего пути хорошая идея пришла в голову сыщика. Господа! Что же мы так вот едем, да едем.? - провозгласил Кольцов. Дорога ещё достаточно далека, не приять ли нам от даров Бахуса? У меня всё с собой. Хотел я днём к прелестнице одной заехать, видно, не придётся. Банк, потом банкет, а там и в путь. Старик потёр как бы умывая руки, а молодой многозначительно хмыкнул. Пиршество началось. В корзине оказались тарелки и вставляющиеся одна в другую металлические стопки. Под фруктами сохранялись свежайший латвийский копчёный сыр и варёная колбаса.

Был и завернутый в вышитое полотенце хлеб. Без церемоний, господа, – провозгласил Алексей. Первый тост – За мужскую настоящую дружбу. Виват! Кого-либо уговаривать не было ни времени, ни необходимости. Часов, после последнего принятия пищи, прошло много, все успели проголодаться, достаточно холодное шампанское, бодрящее усталые тело и разум, лилось и пилось как вода! Где-то через час показались окраины Риги. К этому времени всем присутствующим начало казаться, сидящие рядом не просто друзья, а друзья старинные. Молодого совершенно развезло. Время от времени, он высовывался по пояс в окошко и нечленораздельно кричал. Причём, почему-то, на немецком вперемешку с латышским и русским. Пытался он петь, но и тут получалось плохо. Старик держался, однако шампанское, обольстительное и коварное в основе своей, лишило его возможности передвигаться. Сколько раз ни пытался он подняться на ноги-ничего не получалось. Увидев последствия предложенного им продолжения банкета, сыщик предложил своим попутчикам сначала отвезти их по домам, а затем следовать в банк и вообще по своим делам. Причём не преминул пригласить обоих на вечерний банкет к нему в номер по случаю покидания Риги и отправления в деловую поездку. Визитка с адресом ресторана «Пале-Рояль» была с благодарностью принята. Старик, с трудом выговаривая слова, попросил высадить их на пересечении улиц в районе городского рынка,

однако попытка эта закончилась полным и окончательным провалом. Выйдя из экипажа, пожилой чиновник так и сел на брусчатку улицы. Молодой, бросившийся его поднимать, упал рядом, наступив на свой собственный размотавшийся шарф. Увидев, что стоящий у ворот рынка полицейский чин, осуществлявший охрану порядка, направляется в их сторону, Алексей приказал кучеру посадить пострадавших от хмельного зелья назад в пролётку. Господа, – сказал он заплетающимся языком. Так дело между друзьями не делают. Не могу же я вас бросить на растерзание полиции. Доставят в участок, потом до протрезвления сиди и оштрафовать могут. Говорите, куда вас развести, извините, господа, время поджимает. Мне ещё в банк ехать, а спать всё сильнее хочется. Старый чиновник, подумав, шепнул адрес. Это было в районе порта. Гостиница «Эксельсиор» была достаточно хорошо известна в Риге. Там останавливались прибывающие в город иностранные моряки, не матросы, а те капитаны, механики и помощники капитана, которые отслужили свой контракт и искали нового. Контингент постояльцев ежедневно обновлялся. Люди самых разных национальностей и рас проживали в этом центре морского интернационального сообщества. Английская, немецкая и голландская речь звучали там гораздо чаще русской. Среди постояльцев можно было встретить европейцев, азиатов и даже африканцев. Бродяги морей и океанов со всех стран мира переживали здесь или полосу неудач,

или, наоборот, неожиданную удачу, принёсшую с собой избранному шальные, немерянные деньги, позволяющие какое-то время обойтись без службы на корабле. Попросив мнимого извозчика помочь господам добраться до места их проживания, Алексей осмотрел окрестности. Гостиница стояла в ряду одноэтажных домов, возвышаясь всеми своими тремя этажами. Рядом располагались питейные заведения, лавки экзотических товаров, магазины, торгующие, в основном, пивом, элем и спиртными напитками. Район был явно приспособлен под вкусы тех, кто чаще всего посещал данное место. Третьеразрядный бордель, почему то названный экзотическим именем «Морской рай», дополнял картину. Сейчас, утром, в данном месте было тихо и, как- то даже, добропорядочно. Надо вам сказать, Рига всегда отличалась скромным благородством архитектуры, вежливостью обывателей и вкусной едой, а её знаменитый «Рижский бальзам» в сочетании с кофе или местной водкой вообще был выше всяких похвал. Несчастливая страна, – подумалось Алексею. Стиснутая с двух сторон Российской и Германской империей, Латгалия никогда не будет свободна от иностранного влияния, а если, не дай бог, вспыхнет война, на месте мирных городов и поселений вполне может оказаться пустыня. Но, что это я, – пронеслось в голове. Всё будет хорошо. Как говорится: «под сенью дружеских штыков»! Вернувшийся извозчик доложил: Так что, Ваше благородие! Помещаются

двое эти в смежных номерах люкс на втором этаже. Портье о них отзывается хорошо. Говорит, гости богатые, на чай завсегда дают. В таком виде как сегодня, допреж никогда их не видели. Чудно даже. Старый господин по делам фирмы какой-то ганзейской хлопочет, молодой при нём всегда, навроде как родственник, или охранник. И приказчики у них есть. Но те ещё где-то обретаются. Не здесь. Да! Три азиата в гостях пару раз были. По какой-такой надобности, неизвестно. Живут здесь же, на третьем этаже, в трёх номерах, в книге записаны турецкими подданными. Выслушав доклад, сыщик попросил доставить его немедленно в гостиницу «Пале-Рояль». Как ему и представлялось, на конспиративной квартире его уже ожидали начальник сыскного департамента статский советник Ванюшин и несколько человек из числа чинов полиции. Доклад занял значительное время. По ходу доклада и обсуждения было принято решение об установлении наружного наблюдения за возможными фигурантами совершённых преступлений. Тем более, где-то завис ещё один член банды. Тот самый, похожий на поляка или венгра, в экзотическом наряде. Как и при каждом сыском, при рижском департаменте был свой отдел, осуществляющий в необходимых случаях наружное наблюдение. Его сотрудники никогда не носили форму и не посещали официальные полицейские присутствия. Небольшой дом в центре города с вывеской, извещавшей о наличии

здесь отделения городского хозяйства по озеленению, очистным и ландшафтным работам, был надёжным пристанищем для филеров. Совершенно не являлось подозрительным присутствие значительного количества проходящих работников. Надворный советник Станислав Иванович Инин, присутствовавший здесь же в гостинице и отвечавший за этот участок работы, поспешил в своё ведомство. Очень скоро из ворот центра по озеленению покатали два экипажа, доставившие осуществлявших наблюдение к воротам гостиницы «Эксельсиор». Снабженные словесными портретами филера заняли свои точки наблюдения, кто мог бы заподозрить хоть что-то, глядя на одетых в униформу рабочих, осуществлявших очистку ливневых стоков? Не привлёк внимания и грязный старый нищий, простиравший свою руку ко всем, кто входил или выходил из гостиницы. Пожилая женщины, продающая на парижский манер, правда, не жареные каштаны, а прозаические семечки, тоже не могла вызвать ни малейших подозрений. Вскоре всем филерам незаметно были розданы карандашные наброски возможных преступников, сделанные скетчистами сыскного со слов Алексея Кошкина. Неподалёку, в закрытом брезентом фургоне с надписью «Оптовые доставки писчебумажных и канцелярских товаров» в резерве были ещё несколько агентов, готовых отправиться на осуществление своей работы по первому требованию. Да и три конных

экипажа были наготове. Директор департамента хорошо всё продумал. Пока события не выходили за установленное русло. В это время в «Пале-Рояль» готовился один из номеров-люкс. Кошкин обживал номер, расставляя предметы обихода, соответствующие образу жизни молодого и достаточно богатого человека. Перед встречей с хитрым и коварным врагом неплохо было иметь в рукавах несколько козырных тузов. Алексей проверил легко ли выходит из трости клинок. Отличная дамасская сталь клинка, спрятанная внутри легкомысленной трости с чёрным эбеновым пуделем на рукоятке и витым кожаным ремнём в верхней части, якобы, поводком пса, помещённым после набалдашника, превращалась в грозное оружие лёгким нажатием на неприметную кнопку. Два пистолета системы «Браунинг», укрытые в рукавах, позволяли выпустить шестнадцать пуль за минуту. На столе в углу стоял саквояж, доверху наполненный толстыми колбасками золотых десятков, обёрнутых в обандероленную бумагу. То что это были тщательно сделанные муляжи, можно было определить развернув содержимое, а кто же собирался давать время преступникам на такое исследование? Стрелки часов на брегете Алексея показывали восьмой час. Вот только о гостях не было ни слуху, ни духу. Именно в это время на доклад прибыл один из филеров, осуществлявших наблюдение в районе портовой гостиницы. Из его слов следовало, старик, студент

и три лица азиатской национальности, выйдя из холла гостиницы, наняли один из экипажей, принадлежавших сысской полиции и куда-то отправились. Наблюдение продолжается. Стало ясно – развязка этой жизненной драмы, имеющей определённо криминальный оттенок, приближается. Преступники клюнули на подкинутую им приманку. Вожделенные золотые монеты, имеющие хождение по всему миру, привлекли пристальное внимание грабителей. Около восьми часов в двери гостиницы «Пале-Рояль» степенно вошли трое одетых в чёрное азиатов. Один из них, подойдя к портю, на ломаном русском языке поинтересовался, могут ли они снять три номера люкс. Но нужны им эти номера для проживания не сейчас, а, приблизительно, через неделю. Они хотели бы предварительно осмотреть снимаемые помещения, так как ожидают прибытия своего босса, любящего жить с комфортом. И деньги для них значения не имеют. Платят вперёд. Встречавший их хозяин предложил осмотреть номера немедленно, однако попросил какое-то время подождать в ресторане, поскольку господа, проживающие сейчас, могут не понять такой неожиданный визит. Господа могут заказать горячительные напитки по собственному выбору и, конечно, за счёт заведения! В это время в гостиницу ворвался отряд городских из трёх чинов, во главе которого были два жандармских офицера. Те кто ранее встречал посетителей загородного публичного

дома, легко опознали бы в них старика и молодого! Возглавлявший небольшой отряд пожилой жандармский ротмистр, подойдя к портье спросил, в каком номере обретается некто Кольцов и отрекомендовал того, как давно разыскиваемого преступника-анархиста, бомбиста! Азиаты распределились по холлу, причём каждый встал либо у входа, либо около одной из двух лестниц, ведущих наверх и в помещение ресторана. Господа! – обратился ротмистр к портье и посетителям. Мы сейчас проследуем в номер на втором этаже. Прошу никого не передвигаться без нашего сопровождения, занять места в ресторане, куда вас проводит господин поручик. Тут он указал на младшего по званию и возрасту офицера корпуса жандармерии. Действуем исключительно для вашего блага. Преступник может быть не один, хорошо вооружён, жесток и безжалостен. Прошу выполнять все требования господина поручика! Это в ваших интересах, господа! Когда несколько человек, включая хозяина гостиницы и портье, исчезли на лестнице, ведущей в ресторан, оставшаяся четвёрка устремилась наверх. Не доставая оружия, ну какой отпор мог оказать опытной группе какой-то купчик, псевдожандармы ворвались в номер и были страшно разочарованы. В гостиной на первый взгляд было пусто. Правда, горел свет в помещении спальни. Многозначительно указав на стоявший в углу набитый саквояж, главарь, а им явно был ряженный старый ротмистр, жестом распорядился о проверке. По взмаху его руки два

полицейских чина двинулись вперёд и вошли в спальню. Старик в это время, спеша поскорее овладеть сокровищами, открыл дорожную сумку, французское, кстати, очень полезное изобретение, и обомлел. До самого верха пространство внутри было заполнено обандероленными стопками золотых монет. Надпись на упаковке гласила, в каждой было по две дюжины золотых десятков! Последний оставшийся с ним ряженный полицейский подошёл ближе и зачаровано озирал будущую добычу. Казалось, из саквояжа явственно поднимается нимб золотого цвета, озаряющий мечты и действительность удачливых грабителей! В это время в спальне раздался какой то шум. Ну, что там у вас? -крикнул старик. Просил же потише. Купчишку что ли одолеть не можете? И в сопровождении своего спутника, вошёл в спальню. Через короткий промежуток времени на его лице явственно читалась одна только мысль, лучше бы я не входил. Такой поворота событий преступники никак не ожидали. На полу лежали спеленутые по рукам и ногам специальными путами те двое, что вошли ранее. Кляп во рту препятствовал какому-либо общению, а за их спинами с обнажёнными револьверами стояли три чина полиции и тот, кто ещё недавно представлялся им чисто российским лохом. Так по традиции, пошедшей от торгованов-офеней, на придуманном ими специальном офеньевском языке, назывались простодушные россияне, доверчивые и всегда готовые быть обманутыми. Старик

покорно поднял руки кверху. Было видно, этот битый волк прекрасно понимает, шутить с ними не будут. Не так себя повел его сопровождающий. Он попытался левой рукой выхватить револьвер, а скрытой до этого времени в рукаве финкой нанести внезапный удар по задерживающим. Как только он развернулся и попытался начать сопротивление, то быстро и легко убедился, насколько не доучитывал специальной боевой подготовки встречающих. Алексей в прыжке ударил двумя ногами в грудь уже доставшего нож, а затем провёл болевой приём, позволяющий надёжно зафиксировать руку с оружием. То -есть, захватив двумя руками запястье противника, ложно повести его кисть вверх, а затем резко вниз с поворотом. Нож тут же выпал, кисть ряженого безжизненно повисла. Старик в это время был уже упакован, со вторым преступником возни тоже более никакой не предвиделось. Вскоре и последние участники неудачного налёта были надёжно зафиксированы и лежали живописной группой по всему полу спальни с кляпами во рту. Пора было решать вопрос с остальными! К этому времени вокруг «Пале-Рояля» стояла цепь полицейских в форме. Алексей вышел из номера и спустился в холл, оказавшись практически один с тремя азиатами. Ни портье, ни хозяина гостиницы не было. Всё шло по плану. Было ясно, переодетого поручиком преступника, судя по всему, уже обезвредили. Поскольку он не возвращался из ресторана, это вызвало определённое волнение среди

остающихся на первом этаже преступников. Было видно, один из них собирается пройти к лестнице, ведущей в ресторан. Алексей, насколько мог приветливо, обратился к нему и его товарищам с первым, что пришло на ум. Смысл речей сейчас значения не имел никакого. Господа! Не могли бы вы стать моими гостями на этот вечер? Дело в том, что я сегодня даю банкет по поводу завершения одной из выгодных сделок. Мною заказан отдельный зал, и метрдотель с группой официантов уже завершают все приготовления. Но, совершенно неожиданно для меня, прибыл представитель Рижского отделения банка международного финансового развития. Короче, господа, мне необходимы два свидетеля, готовые расписаться в документе, удостоверяющим мою личность. Чистая пустая формальность, господа! Прошу выручить из трудного положения. Где я сейчас должен искать лиц, хорошо меня знающих? Только тут он сделал вид, что обнаружил отсутствие портье и кого-либо ещё из постояльцев. Куда это все подевались? – только и выговорил Алексей, поднимаясь по лестнице. Троице преступников ничего не оставалось, как тоже идти вслед за ним. Мало что можно было прочесть на их смуглых, широких лицах. Троица в чёрном может быть и не понимала, что происходит, но то, что не всё идёт по выработанному ранее плану, им становилось всё яснее и яснее! Дойдя до площадки сыщик резко повернулся к тем, кто шёл следом за ним, как оказалось,

очень даже вовремя. Ещё бы мгновение, и острый клинок с размаху вошел бы ему в спину. Резко отпрыгнув в сторону, Алексей тростью отбил колющий удар, а затем нажал на кнопку, и его клинок тоже вылетел из трости. Делать махательные, сверху вниз, движения руками, необходимые что бы пистолеты на пружинах вылетели из рукавов, не было времени. Поскольку надо было обороняться от трёх противников Алексей поднялся на несколько ступеней по лестнице. Теперь противники могли нападать только по очереди. Завертелась стальная ветряная мельница. Клинком, являвшимся подобием шпаги, можно было не только колоть, но и рубить, а первое место в выпуске по эскадрону, заработанное в юнкерском училище, что-нибудь да значило. Уже через доли минуты первый из соперников получив жестокий укол в правую сторону груди рухнул на руки своих товарищей. Пора было и завершать! Не до дуэлей! Да и перед ним были отнюдь не гвардейцы кардинала! Опустив на пол клинок, сыщик сделал резкое движение и ощутил в руках привычную тяжесть двух зловеще глядящих своими короткими дулами браунингов. Наведя их на оторопевших противников, Алексей командовал: Лечь на пол, руки за голову. Открываю огонь на поражение. Исполнение команды, отданной в такой форме и при таком перевесе в вооружении, не заставило себя ждать. Бросив раненого на пол, двое улеглись рядом на животе, скрестив руки на затылках, а сверху уже бежала подмога. Теперь можно

было применять не путы и кляп, обычные наручники. Предварительно рассосредоточив арестованных по восьми экипажам, полицейские, организовав эскорт на конях, покинули помещение гостиницы. Камеры предварительного заключения в эту ночь были заняты почти полностью. Лишив преступников возможности какого-либо сговора, сыскари спокойно и планомерно принялись за сбор улик. Для начала, под руководством статского советника Ванюшина было проведено совещание по результатам работы. Надворный советник Инин отчитался об успехах своих тихушников. Наружное наблюдение сработало прекрасно. Было выявлено место пребывания мнимых приказчиков. Снятый ими дом в пригороде Риги, после проведения оперативных мероприятий, дал много интересного. Были обнаружены комплекты полицейской и жандармской формы, несколько комплектов униформы судебных и прокурорских работников. В саду того же дома, в помещении для садового инвентаря, хранилось оружие, в каретном сарае были найдены несколько лошадей и две пролётки. В зарытых под задней стеной дома брезентовых сумках была обнаружена часть похищенных предметов. В это время на совещание прибыли те из сотрудников сысканого департамента, которые проводили обыски по месту проживания остальных участников банды, в шикарных номерах гостиницы «Эксельсиор». Такого успеха просто не ожидалось. Потерявшие всякое чувство

меры, обнаглевшие от безнаказанности, преступники открыто хранили похищенные деньги и ценности, поместив их в номерные ячейки гостиничного бронированного сейфа. Раскрыть дерзкие преступления, не потерять при силовом задержании своих сотрудников и полностью обезвредить преступников – такая задача была поставлена и выполнена. А герою этой эпопеи, коллежскому советнику Алексею Захарьевичу Кошкину великолепно спалось здесь же, на конспиративной квартире. Завтра предстояло столько работы, что, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать. Приняв рюмку рижской водки «Кристал» с чёрным бальзамом, безмятежным сном ребёнка спал русский сыщик, его последней мыслью перед полным погружением в омут сна было, а куда, собственно говоря, мог подеваться любящий причудливые восточноевропейские одежды последний фигурант этого громкого дела?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.